

1614/4
НОВОСТИ
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЖЮЛЬ РОМЭН
КРОМДЕЙР
СТАРЫЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 2 ЛЕНИНГРАД 25

ЛЕНГИЗ ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

Ленинград, „Дом книги“, Проспект 25 Октября, 28. Тел. 132-44, 570-44;
Москва, Тверская, 51. Тел. 3-92-07, 4-92-31.

СЕРИЯ „НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“

- Амп, Пьер. — Золотискатели. Пер. А. А. Поляк. Под ред. Б. Лившица. С пред. Ренэ Маршана. Стр. 167. Ц. 70 к.
- Амп, Пьер. — Песнь песней. Книга первая. Пер. О. Брошниковской. Под ред. Б. Лившица. Стр. 223. Ц. 75 к.
- д'Аннуцио, Габриэль. — Ноктюрн. Пер. С. В. Герье. Под ред. А. А. Смирнова. Стр. 277. Ц. 65 к.
- Барбюс, А. — Рассказы. Пер. с франц. О. Э. Мандельштама. Стр. 235. Ц. 1 р.
- Бергстрем, В. — Дом пропавших. Пер. с датского А. и М. Ганзен. Стр. 104. Ц. 50 к.
- Беро, А. — Страдания толстяка. Перевод М. Рыжкиной, под редакцией А. Л. Вейнбаум. Стр. 150. Ц. 50 к.
- Гамсун, Кнут. — Местечко Сегельфос. Перевод К. Жихаревой. Стр. 436. Ц. 2 р.
- Гастон-Ножеф. — Коффи. Действительный роман чернокожего. Пер. О. Брошниковской. Под ред. А. Н. Горлина, с пред. Р. Маршана. Стр. 109. Ц. 40 к.
- Генри, О. — Короли и капуста. Перев. и предисл. К. Чуковского. Стр. 244. Ц. 90 к.
- Генри, О. — Рассказы. Перев. Н. Брянского, Л. Гаусман, С. Маршака и О. Подъячей. Под редакц. и с предисл. Е. Замятина. Стр. 251. Ц. 1 р.
- Гзель, Поль. — Беседы Анатоля Франса. Пер. Е. В. Мечниковой, под ред. Н. Радлова. Стр. 218. Ц. 55 к.
- Доржелес, Роллан. — Пробуждение мертвых. Пер. Э. Л. Вейнбаум. Под ред. А. Н. Горлина. Стр. 304. Ц. 1 р.
- Дорту, Макс. — Город. Пер. с нем. С. Я. Закса, под ред. Инн. Оксенова. Стр. 62. Ц. 40 к.
- Дюамель, Жорж. — Отрешенные. Пер. с франц. Б. Лившица. Стр. 182. Ц. 80 к.
- Дюамель, Жорж. — Полуночная исповедь. Пер. и предисл. В. Вейдле. Стр. 183. Ц. 75 к.
- Кальтнер, Т. — Рудник. Драма в трех действиях. Пер. с нем. В. Гельмерсена, с предисловием А. Пиотровского. Стр. 76. Ц. 50 к.
- Лондон, Джек. — Рассказы о смельчаках. Пер. с англ. В. А. Азова и А. Н. Горлина. Стр. 116. Ц. 45 к.
- Маркс, Мадлен. — Женщина. Предисл. А. Барбюса, пер. М. Елагинной. Под ред. В. А. Азова. Стр. 220. Ц. 50 к.
- Метерлики, М. — Белая невеста (Помолвка). Перев. Н. Эфрос, под редакцией М. Л. Позинского. Стр. 136. Ц. 40 к.
- Мейзфильд, Д. — Пьесы. Перевод З. А. Венгерской и О. И. Подъячей. Предисловие и редакция К. Чуковского. Стр. 142. Ц. 45 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Роман, Ж.

ЖЮЛЬ РОМЭН

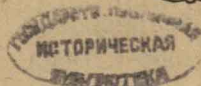
КРОМДЕЙР-СТАРЫЙ

ПЕРЕВОД и ПРЕДИСЛОВИЕ
О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛЕНИНГРАД — МОСКВА

1925

790203 ✓

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

Жюль Ромэн в современной французской поэзии не одиночка: он центральная фигура целой литературной школы, именующейся унанизмом. Раскрыв смысл французского наименования школы, получим: поэзия массового дыхания, поэзия коллективной души. Жюль Ромэн, Ренэ Аркос, Дюамель, Вильдрак — вот писатели, делающие одну работу, идущие в одном яре.

На редкость дружное литературное единение. Литературные братья — унанизмисты не боятся совпадений и сходства, как бы стараются походить друг на друга работают одним материалом; их голоса и походки, характер их усилия — схожи.

В стихах и прозе Жюля Ромэна и его товарищей неоднократно и настойчиво выражено желание говорить простыми словами о простых, грубых и обыкновенных вещах, о заурядных средних людях, о любви и работе среднего человека. Не будет ошибкой сказать, что материалом их поэзии является средний человек.

Еще Флобер и Гонкуры тянулись к будничной человеческой особи, не нарядной, не разукрашенной. Но мощные романисты девятнадцатого века совершали свою увлекательную работу, как хирурги-анатомы,

с некоторым высокомерием: артистической брезгливостью, смешанной с любопытством.

Совсем не то у Жюль Ромэна и его группы. Это героическая поэзия обыкновенного человека, насыщенная уважением к его судьбе, к его личности, к его радости и страданию.

«Герой» одного из последних произведений Жюль Ромэна («Смерть одного из многих») — железнодорожный машинист-парижанин. Жюль Ромэн с каким-то суровым благоговением, с настоящей почтительностью вводит нас в круг жизненных интересов этого человека.

Кстати нужно отметить, что в стихах и прозе unanimists часто, наподобие формулы, встречается обращение: «один из многих, кто-нибудь». (См. Дюамель — «Ода нескольким людям».)

В драме Жюль Ромэна, которая предшествовала «Кромдейру», — «Армия в городе», — написанной еще до войны, ни одно из действующих лиц не названо по имени, а указаны лишь социальные признаки и группировки: мэр, жена мэра, первый буржуа, второй буржуа, первый посетитель кафе, второй посетитель и т. д. Но в характеристике этих «номеров» Ромэн никогда не сбывается: и третий буржуа и четвертый посетитель — внимательно выписанные скрупулы и точными чертами, «сгущенные, сборные люди».

Откуда взялись у содружества еще недавно молодых французских писателей, почти на пороге европейской войны, в те самые годы, когда человеческое мясо

готовилось впрок для бойни, это нежное уважение, эта героическая ласка к человеку толпы?

Мне кажется, лучше всего определить этот своеобразный художественный уклон, как расовый демократизм. Бесконечно чуждые национализма и шовинизма, Жюль Ромэн и его друзья — писатели не только французской, но можно сказать глубже — романской и латинской крови. Они принесли во французскую литературу своеобразную эстетику расы, жажду здоровья, силы и равновесия. Им нужно возрождение расы романской и братской — германской. Им нужно слышать, как вырастает в гудение «наслоенный шум от тысячи дыханий», они готовы благословить и города и деревни, согреться радостным человеческим теплом здоровой расы.

Нельзя не признать, что это — опасный и скользкий путь. Как легко было бы удариться в беспочвенную романтику расы, в сентиментальную болтовню. И где взять, наконец, ядро этой здоровой расы в современной Франции?

Однако, опасность эта миновала Жюль Ромэна: художественное чутье подсказало ему правильный путь: здоровая раса труда. Дух Уитмэна возродился в ясных и отчетливых латинских формах. «Кто-нибудь», «один из многих» — стал мерой вещей, золотой мерой века, источником ритма и силы.

Поэты-битюги, поэты-тяжеловозы еще раз сдвинули с места тяжелую колесницу латинского гения.

Всего меньше современная Франция оставляет места для народнических иллюзий. Исторический характер

вушки. Противоречия двух пластов крестьянской психики выставлены в совершенно античной наготе.

Интуиция Жюль Ромэна позволяет нам заглянуть не только в подсознательный коллективизм французского крестьянина, но освещает еще другой — очень темный угол его психики — религиозный. Может быть, секуляризация, обмирщение психики французского крестьянина зашло дальше, чем принято думать. Может быть, бесконечно далекий от веселого домашнего язычества Кромдейра, он все же далеко отброшен от Рима и глухо враждует с ним.

Что же представляет собой «Кромдейр» как литературное произведение? (А помимо социальной, и даже революционной интуиции, он литературное произведение до мозга костей.)

«Кромдейр - старый» — редкая разновидность пасторальной драмы или — героическая пастораль в драматической форме. Отзвуки старо-французской народной поэзии и музыки смягчают суровую простоту медленно, но неуклонно назревающего действия, одного события — умыкания, бросающего тень на все пять актов. Драма движется между пасторалью и драматической арпией — монологом для большого голоса, при чем наивные и нежные подробности только оттеняют монументальность больших линий. Искусственно изолированный мир Кромдейра живет глубокими и продуманными законами, но сама изоляция Кромдейра, его упростиТЕЛЬская тенденция указывает на утомление поэта сложными отношениями современности.

О. М.

КРОМДЕЙР-СТАРЫЙ

ПЬЕСА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЭММАНУИЛ.

ТЕРЕЗА.

ПЬЕР ДАМАС.

КЛОД-РЫБАК.

РАЗНОСЧИК.

ФОМА ПИБУЙ.

НАСТОЯТЕЛЬ МОНАСТЫРЯ.

БАБУШКА АГАТА.

МАЛЕНЬКИЙ ЖАН.

МАТЬ ЭММАНУИЛА.

СТАРЕЙШИНЫ: ДИДЬЕ, ЯКОВ-КАМЕНЩИК,

ЖЕРО, ЭЛБЕ, ФУЛЬГЕНТИЙ, БАТЬЕН И ШЕСТЕРО
ДРУГИХ.

АНСЕЛЬМ.

ПАРНИ ИЗ КРОМДЕЙРА.

ЛЮДИ ИЗ КРОМДЕЙРА: ДВЕ ГРУППЫ.

ХРОМОЙ.

ПЯТНАДЦАТЬ ДЕВУШЕК ИЗ ЛОССОНЫ.

АКТ ПЕРВЫЙ.

Ганьские ущелья в области Панта. Дорога, вдоль потока, уходит к верхним ступеням долины. Под отвесной стеной скалы гостиница. Снаружи, справа от дверей, стоит стол. Действие происходит на дороге перед гостиницей, внутренность которой просвечивает сквозь ставни. Однообразный, мерный шум потока и ветра. Цвета и оттенки соответствуют началу весны.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ПЬЕР ДАМАС, КЛОД-РЫБАК, РАЗНОСЧИК.

ПЬЕР ДАМАС.

Эй, ты, пискарщик! Эй, ты, форельщик!
Что ты проходишь мимо моей двери,
Не замедляя походки викария,
Глаза обратив в сторону вод?
Или вино мое тебе разонравилось?
Или вздыхает твоя возлюбленная
В низинах, под редкой сосной?

КЛОД - РЫБАК.

Нет, вино твое мне еще нравится,
Белое чуточку больше красного.

Хочешь знать — где моя милая?
Опоздала она, замешкалась:
Банта никак не найдет атласного.
А продать тебе мне нечего:
Даже малютки - пискарика нет.
Стоит ли мне к тебе входить,
Чтобы печь твоя раскрытым зевом
Глумилась над бедным рыбаком?

ПЬЕР ДАМАС *(выходя на дорогу)*.

Хитрый рыбак, — это басни:
Ты утаил королеву форелей,
Самую розовую из потока.
Знаю: ты хочешь ее просватать
За толстяка из коровьих барышников, —
То - то ты его высматриваешь,
Когда он покажется из Фая
В своей блузе, с своей тростью,
С своей мощной и своей флягой.

КЛОД - РЫБАК.

Пошунай сумку, — убедись!

ПЬЕР ДАМАС.

А зачем под курткой топорщится ящик?

КЛОД - РЫБАК.

Сними с него крышку, сделай милость, — обшарь!

(Разносчик показывается на дороге.)

ПЬЕР ДАМАС.

Чорт! А мой обед для тех двух купцов!
Разиня - рыбак, где же мои форели?

КЛОД - РЫБАК.

Какие купцы? Два коровьих барышника,
Что возвращаются из Фая,
В своей блузе, с своей тростью,
С своей мощной и своей флягой?

ПЬЕР ДАМАС.

Они опрокинули по две кружки
Вчера по дороге в гору, на ярмарку;
Спустятся к нам сюда через час.
Перетряхнут в сердцах весь дом!
Эх, горе - поставщик, бессовестный рыбак, —
А я - то им наобещал форелей!

(Минуту раздумывает, понутив голову.)

Ну, это все хорошо и прекрасно;
Клод, я жду твоих объяснений, —
Или это работа жандарма,
Что петрушкой выскочил из воды?

КЛОД - РЫБАК.

Я предпочел бы напороться на жандармов.
Аминь! О рыбе говорить нельзя.
Мир рыбаку и вечный отдых печке:
Люди из Кромдейра кроют нас почем попало,
А если к нам на шею прыгнет Кромдейр,
Таким, как мы, лишь пятиться осталось.

ПЬЕР ДАМАС.

Они спустились в наши доли?
Зрение тебе затуманило зарей.
К чему поход трехверстовый
За тем, что лежит под рукой?

КЛОД-РЫБАК.

Уже не первую ночь они слазят.
Уже не первую ночь, Петр.

ПЬЕР ДАМАС.

Я знаю людей из Кромдейра,
Кромдейрский волчий аппетит, —
Но сейчас позволь мне не верить.

КЛОД-РЫБАК.

Быть может, форели от них ускользнули.
А может быть, просто им лакомо блюдо
Из наших форелей.
Шесть ночей или семь, как они увязались
Из речного мешка тащить мою рыбу.
Сначала по-малу, не зная приманки,
Ни речных колдобин, ни прятков под камнем,
Но каждый раз забирали все глубже, —
Сегодня ж хлебнули весь улов.

ПЬЕР ДАМАС.

Вот кого нам не хватало.
Трудно им усидеть дома.
Что за напасть беспокойный ум!

Однако, они довольно громко
О древней крови своей говорят,
Людей называют мурашами, —
Подумаешь, ветер им двоюродный брат.

КЛОД-РЫБАК.

Не велика беда их презренье. —
До нашей рыбы опасно их рвенье.

ПЬЕР ДАМАС.

Хе! Беспокойного духа люди:
Хорошие вещи их больно ранят,
В чужом владении — чужое веселье.

РАЗНОСЧИК.

Я не здешнего ущелья,
Но знаю Кромдейр.
Возил туда тележку
Один разок, и баста.
Обычная прогулка
Моя на Сен-Жюльен.
Если мне случается ехать в Фай на холоду,
Я Мейгаль пересекаю коридором Двух Черепях
И держу по плоскогорью на подошву Большой
Сосны.

Это страшная дорога, но блаженная все ж тропа, —
Там легко дышать в июле, там знобит в сентябре.
Солнце чадное там светит еле-еле в спшибке ветров
И не ярче звезд молочных, — не пришлось бы
думать о нем, —

Если б на воде замерзшей луж продрогших не
 плясал
 Круглый огонек - прыгунчик, пламя горькое
 глазам.

Раз, выбравшись из Фая,
Я нашупал Кромдейр.
Дорога, словно обруч,
Прибита к скале.
Идешь по твердым плитам, —
Лоснится отвес, —

Вдруг: вид на Кромдейр.

Сначала растеряешься: гадаешь — откуда войдешь.
Деревушка замешана, как ржаная квашня.
Ты скажешь, что причесан блестящий гранит
Лепешкой из теста круглого, что печется на нем?
Я тебе не советую различать дома:
Они как бы проникли один в другой.
Внутри одна единственная улочка спешит,
Как прорытый гусеницей под корень ход.
Лишь посередке раздаются
Строения вокруг глухой площадки,
Где можно сесть на вытесанный камень.
Едва палатку я разбить успел,
Над головою просвистел булыжник, —
Один, другой и целый серый дождь.
Ну, подник мой не долго продолжался.

КЛОД-РЫБАК.

В толк не возьму, — чем вы их раздражили?

(18)

РАЗНОСЧИК.

Этот день, я смеаю, был особенный день,
Когда никто не смеет вести торговый счет.
Тогда, не оскорбляя общинный прав,
Нельзя полущки вынуть, гроша передать.
В те дни деревня лишь мену признает:
Круг сыра меняют на масла брус,
Меняют щыпенка на меру зерна.

КЛОД - РЫБАК.

Вот где, хозяин, — ни сегодня, ни завтра, —
Тебе не придется гостиницу держать.

ПЬЕР ДАМАС.

Какая уж там гостиница,
Если нету и кабачка —
Кабачок или гостиница —
Все одно: дом чужака.
У Кромдейра на вершине
Нет крыши для чужака.

РАЗНОСЧИК.

У него лишь ветер да камень за пазухой.

КЛОД-РЫБАК.

А если им захочется выпить,
Посидеть, прочистить в компании глотку?

РАЗНОСЧИК.

Говорил мне один бродяга,
Что у них кутежи в приходской церкви.

(19)

Чорт возьми, пирушки в знаменитой церкви,
Чья слава гремит от Пюи до Валенты,
Где пуста колокольная, священник в бегах, нет
мессы.

Кто боченок вина,
Кто старую водку,
Кто коричневый ставит мед.
А еще пахучих трав отбор,
Горьких, горных трав они с собой приносят,
Чья польза известна только им.
И еще, бог весть, каких приправ
И каких снадобий прибавляют.
Сыплют, подливают
В медный головной котел.
Сами в кружок садятся,
Зажигают брагу,
И, когда смесь готова,
Потушив огонь, пьют,
Деревянными черпаками,
Погружая их разом
В чрево котла.
Минута передышки —
И черпаки снова
Дымящиеся разворачивают недра.
Так пьют, пока не стукнет дно.
Тогда они поют, горланят,
Танцуют страшным хороводом,
И можно видеть черных бабок
Смеющихся беззубым ртом.

ПЬЕР ДАМАС.

Кто не помнит ясновидящей
Ихней матери Агаты.
Вереницы путешественников
Из заречной Маргериды
Шли полакомиться чудом.
Ныне заваруха с церковью
Этих дел отшибла память.

(Фома Пибуй, держа на привязи собаку, появляется
из глубины ущелья и выходит на дорогу.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Те же и Фома Пибуй.

Фома ПИБУЙ.

Здравствуйте!

КЛОД-РЫБАК.

К нам браконьерствовать явился, старый чорт!
Что у тебя там — перья или шерстка?

Фома ПИБУЙ.

У меня на привязи дрожит собака.
Пьер Дамас, мне нужен опыт твой:
Я глядел за ней внимательно, однако,
Она не ест, не пьет, как следует борзой.
Может быть, она одержима хворобой,
Но я люблю ее сильно, Пьер Дамас.
Семерых собак воспитал я с детства —
Эта последняя, и стоит она семерых:
Лежит в траве, как ни в чем не бывало,

И с глупой скотины не сводит глаз, —
Чуть заколобродит, заплутает корова,
Она встряхнется на все четыре лапы
И спокойным шагом за ней в камыши.
Ни праздной шумихи, ни грозного лая,
А если непослушная все-таки медлит, —
Спокойная верная хватка зубов.
Ей также известна выгона площадь,
И сколько подвинется пастбище в сутки,
Насколько за день и насколько за ночь.
Я не позволю ей умереть.

ПЬЕР ДАМАС.

Дай взглянуть на твою собаку.
Мы пошушаем, поглядим.

ФОМА ПИБУЙ.

С человеком она не злая,
Только крепче ее привяжи.

ПЬЕР ДАМАС.

Я сведу ее в сарайчик.

(С порога, обернувшись.)

Если нужно, кликну: помоги.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Те же, без ПЬЕРА ДАМАСА.

ФОМА ПИБУЙ.

Из старинной деревни Кромдейра,
Древней расы, без помеси — собака.
Года три, как ее мне подарили.

КЛОД-РЫБАК.

Я скажу, Фома, что вы счастливчик:

Кромдейра древнее отродье

Братъ умеет лучше, чем дарить.

Здорово! Подарок с Кромдейра, —

Не мешает протереть глаза.

ФОМА ПИБУЙ.

Я ведь был когда-то им полезен:

В дни церковной, знаменитой их затей,

В дни, когда они тесали церковь,

От которой чуть не сдох епископ, —

Им понадобился мой песок для стройки.

Ведь для выработки вечного цемента

Чудо-щебень в старину они толкли;

Ни с одной его не вывезешь земли, —

Только у меня и есть, в Риульском поле.

Вел тогда я под сурдинку дружбу

С Жаком Тергезом — каменотесом,

Распорядителем постройки,

А еще с самим Элье-маловеком,

Элье, чей сын Эммануил

Был намечен советом старейшин,

Был отправлен в Пюи, в семинарий,

Чтоб священником церковь отворить.

Из могучих — это семейство,

Горлецы: кусок Кромдейра.

Третий год у меня от них собака.

КЛОД-РЫБАК.

Ничего не пропишешь, — вы счастливчик.

ФОМА ПИБУЙ.

И сейчас Элье — мой приятель,
Нам случается вместе покалякать.
Он наемни говорил о сыне:
Дело скрипит, монастырь недоволен.
Видно, голову Эммануила
Не под всякую спрячешь шапку.
Он в божественной смыслит науке
Больше игумна и больше братья, —
Сам не прочь их доучить.

КЛОД-РЫБАК.

Стало быть, указка Кромдейра
Дотянулась в Пюи, к монахам?

ФОМА ПИБУЙ.

Нынче пора ему вернуться.
Эти дни, зевая при скотине,
Я высматривал Эммануила, —
Вдруг покажется: все ж развлечение.
(Указывает в сторону моста, которого не видно.)
И заразительное ожиданье
На собаку перекинулось мою.

КЛОД-РЫБАК.

Где вы коров своих, Фома, пасете?

ФОМА ПИБУЙ.

Я на Буленскую опушку их гоняю.

КЛОД-РЫБАК.

И с верхушки вы распознать беретесь,
Какой случится на мосту прохожий?
Вы, Фома, как мальчик дальнозорки.
Но, конечно, нам лишнее сболтали.

ФОМА ПИБУЙ.

Я берусь распознать с моей вышки,
Мужчина или женщина — прохожий,
Из Кромдейра или из Лоссоны.

КЛОД-РЫБАК.

Из Кромдейра или из Лоссоны?
Ну, нет, Фома, вы нам в лицо смеетесь.

РАЗНОСЧИК.

Что до меня, я узнаю их тоже,
Но по запаху их кожи, не по виду:
Все они воняют навозной гарью.

КЛОД-РЫБАК.

А вот это сказано здорово,
Ловко сказано, Фома Пибуй!
Что называется, правильно сказано.
Можно сказать, чудесная мысль.
Я за нее перегрыз бы горло!
Старый Кромдейр, твои люди воняют —

И чем бы вы думали? — навозной гарью.
Друг Фома, если вам так приятно,
Кромдейрский дух навозный на расстоянии
слышен.

Но навряд на Буленской вышке.

Фома Пибуй.

А мне довольно распознать
Чужое их телосложение...
Да, Клод, вы смыслите в форелях,
Пожалуй, более, чем в людях.
При нашем туловище все мы —
Коротконожки, коротышки,
А кромдейская порода
Под длинноногую посадку
Короткий подгоняет торс.
У нас, когда мы на-ходу,
Едва стгибаются колени,
И получается раскачка
В бедрах — вправо и налево.
А кромдейские, напротив,
Втягивают и выбрасывают тело,
Как лошадь на крутом подъеме.

Клод-рыбак.

А этого я не приметил.

Фома Пибуй.

Ну, вы куда новичок.

(Пьер Дамас показывается с собакой.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Те же и Пьер Дамас.

Пьер Дамас.

Вот я дал ей хлебнуть лекарство,
Всю глотку у ней разворотило.
День-другой ее не тормоши.
Спать не мешай, если спать захочет.

Фома Пибуй.

Спасибо, Пьер Дамас, спасибо!

Ужо я принесу тебе —

Чем богат — два славных козьих сыра.

(Фома прощается и уходит вверх в гору.)

Оставшиеся провожают его взглядом. Потом Клод поворачивается в сторону моста. Что-то замечает, становится напряженно внимательным. Смеется, хлопает по плечу разносчика и на кого-то ему указывает. Потом делает два-три шага, переваливаясь с ноги на ногу. Все смеются. Клод повертывается к подъему дороги.)

Клод-рыбак.

Эй, Фома! Эй, Фома Пибуй!

Поворачивай-ка назад:

Видно, выгорело твое дело:

Через мост махнул пешеход

В эту самую минуту

И шагает на двух пружинах,

Как ты давеча нам объяснил.

(Фома медленно спускается и выходит вперед. Останавливается, внимательно смотрит. Молчанье. Собака волнуется и тянет привязь.)

Фома Пибуй.

А ведь малый-то из Кромдейра.

Клод-рыбак.

Если он мой забавник-вор,

Без восьми дней рыбак,

Любопытно мне, каков он спереду и сзади.

Фома Пибуй.

А ведь малый, не шутя, из Кромдейра.

Я скажу вам правильное слово —

Это Кромдейр сам месит пыль.

Дряхлое мое взыграло зреньё, —

Это сын Элье, Эммануил,

Это их первенец Эммануил.

Он сказал «прости» своим монахам, —

Это его мешок, это его трость.

Из орешины, срезанной на дорогу.

(Собака волнуется.)

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Те же и Эммануил.

Эммануил (*ни на кого не глядя*).

Здравствуйте!

(Наклоняется над собакой и говорит ей быстро, вглядываясь в ее морду.)

Ага, приятель!

Горячий хрящ, уши трубкой, —

Узнаю тебя. А ну, зевни, осклабься,

Куси мой палец. Что, нет сил? ты болен?

Ну, поворчи, дружок, ну, порычи, старик!

(Пьеру Дамасу.)

Мне кружку вина, только белого, хозяин.

... Куда подать? На любой стол.

(Глядит на собаку.)

Я не узнаю лоснящуюся шерсть.

(Тащит клок шерсти.)

Собака ленива, шерсть ключьями лезет, —

Собака не в теле: спина — ребром.

Это капризная порода:

Она разборчива на корм.

Клод-рыбак.

Вы, Фома, из молодых да ранний,

И я скажу вам, в свой черед:

Что на людей у вас собачий нюх, а на собак —
неважный.

Эммануил.

Вино с кислинкой; в нем есть приятность.

Но лучшим вином из погреба тянет.

Пьер Дамас.

Это вино завсегдатаи хвалят,

Хвалят компании и одиночки,

Не морщась пьют за моим столом.

Но можно сойти, надев из бочки:

За то, что лучше — мы дороже берем.

Эммануил.

Дайте другого.

Да не троньте стакана.
Раз я пригубил, значит плачу.

Фома Пибуй.

Что ж у монахов, там, перевелась латынь?

Эммануил.

Я думаю, там все идет по старине:
И латынь, Фома Пибуй, и вся карусель.

Фома Пибуй.

Но ты вернулся?

Эммануил.

Да, я вернулся.

Фома Пибуй.

Ты надолго сюда иль на побывку?

Эммануил.

Если ветер подует на северном взгорьи
И наохлится певчая птица на мертвой сосне,
Птица в серых перышках — память:
Это может случиться надолго, затянуться на много
дней.

Если петь она будет чересчур хорошо —
Это может случиться на годы.

Фома Пибуй.

А как же господа проповедники,
Признайся, они довольны тобой?

Эммануил.

Я уходил — о чем тогда я думал,
О чем угодно, только не о них.

(Задумывается на мгновенье.)

Эх, дедушка Фома, ты у меня спросил бы,
Каково-то доволен ими я?

Фома Пибуй.

Эммануил, они тебя обидели?

Эммануил.

Я никогда так не смеялся! Нет людей,
Чье ремесло судить о божестве
И всякой твари щупать селезенку!
Холодный нос ишейки богословской —
И все-таки короткое дыханье.

Клод-рыбак.

Если б вы пришли не из-за Пюи,
Вы б держали предо мной ответ
За мою пропажу, за форелей.

Эммануил.

Каких форелей? О чем вы мелете?

Клод-рыбак.

Рыба моя! Мой рыбный пай!
Из ночи в ночь, уже семнадцать лет,
От мельницы Симона до Черного Горла.

Эммануил.

На здешнюю мерку, вы — богатей.
И по той же сходной цене
Вы прикупили парочку жандармов:
Ведь жандармы, при старом владельце,
Как духи потока ютились в нем.

Клод-рыбак.

Полно, мальчик, какая покупка!
Я семнадцать лет правлю рыбное ремесло,
Я семнадцать лет торгую свежей рыбой.

Эммануил.

Рыбак — молодец. Счастливый купец.

Клод-рыбак.

Вы еще в свивальничке лежали,
Когда я ворочался в потоке
Между полуночью и рассветом.
Я вольготный дал срок — семнадцатилетний —
Ганьским форелям — узнать мою руку.

Эммануил.

В толк не возьму я твоих жалоб.
Рыба твоя от тебя убежала?

Клод-рыбак.

Это ваши кромдейрские люди.
Каждую ночь приходят с гор,
Не пропускают ночи с новолунья.
Заграбастали, черти, весь мой улов.

Эммануил.

А ваши улики?

Клод-рыбак.

Мое убежденье.

Эммануил.

Недурно!

Однако, кто дал вам право
Этих людей ворами честить?

Клод-рыбак.

Они берут у меня — мое.

Эммануил.

Рыбак, форели-горемыки
Твой не с рожденья, а после поимки,
Скажем, когда, затрепыхавшись,
Прыгают, зажатые, в твоих ладонях.
Пока форель скользит, она ничья.
Ты думаешь — ей умирать больнее
В ладонях кромдейрских рыбаков?

Клод-рыбак.

Что — им нечего жрать у себя на выпшке,
Что они приходят соседей грабить?

Может, я разжирел на их кормежке?
Видел ли кто, чтоб я улепетывал полем,
Таша добычу за собой на веревке?
Или прятался с награбленным скарбом?

Эммануил.

Если б, не чета твоим, под чешуей форелей
Жили сила, смелость и коварство,
Честный мой рыбак, я не уверен,
Чтобы ты отважился в их царство.
Если б, скажем к слову, не случилось
Сторожей на вышке Кромдейра,
Ты не вышел бы на маленькую горную разведку?
Защищай же, береги своих форелей.
Если ты услышишь — по речному илу
Вдруг захлопают чужие сапоги,
Навесу держи тяжелый свой кулак.

Клод-рыбак.

Раньше меня приходят гости.

Эммануил.

А ты не спи, будь на месте.

Клод-рыбак.

До полуночи они слезают с гор.

Эммануил.

Раньше полуночи слезай с нар.
Если б Кромдейр с гор

За вашими девушкам спустился,
Ваши парни, готов поручиться,
Дали б им лучший отпор.

Фома Пибуй.

Кромдейр любит чужой хлеб.
Мы же, дети щедрой долины,
Избалованы ее добром.
Не к лицу за плетеную корзину с рыбой
Ссориться нашим деревням:
Если он голодает, — старый Кромдейр, —
Пусть Кромдейр ест наш хлеб.

Пьер Дамас.

Правильно сказано, Фома Пибуй.
Мы не снимаем ружья с гвоздика,
Если прохожий сбивает яблоко,
Но знаем, где висит ружье.

Эммануил (обращаясь к нему).

Введенный курок — лучший товарищ,
Когда кругом нет жилья;
И всегда под озорной угрозой
Девушки и запас вина.
Что ж, и вы по-своему чести сторожа.
Но какая грусть, какая смелость —
Разбить дом в этой глуши.
Вы не здешний, не деревенский?

ПЬЕР ДАМАС.

Говорят обо мне — липовый лоссонед;
Я деревня сам по себе.

ЭММАНУИЛ.

Сам деревня — золотое слово.

ПЬЕР ДАМАС.

На две ленты рвется здесь река,
И скрестились вилкой две дороги, —
Стало быть, должна стоять деревня.
(Указывает на дом.)

Вот она.

ЭММАНУИЛ.

Она мне по душе.

ПЬЕР ДАМАС.

С виду она невзрачна, как маленький шалаш,
Но, как и все, просторна, как все, населена.
Ты видишь только корень и сухорукий ствол,
Незримою листвою ее насельники шумят.
Тело моей деревни разбросано вокруг,
Двигается по дорогам, шагает, бредет;
Человек, который только что ел за этим столом
И медленно спускается с Кустетской горы,
Человек, который, стоя на пороге, выпил стакан,
Встряхнулся и пошелся по аллее тополей,
И толстяк, который выспался в лучшей комнате
с ковром,
И в зеленой двуколке берет гору Сен-Фрон.

ЭММАНУИЛ.

Ловлю себя почти на вождельеньи открыть
гостиницу.

(Смотрит по сторонам, поворачивается к подъему и вдыхает
запах ветра.)

Но запах огня родимый
С гарью сюда долетел.
Запах земли, обреченной
Сгореть за своих сыновей.
Это он скользит, наплывает
По теченью ветра долины —
Захватить меня, спеленать.
Значит, мне пора итти. До-свиданья.
(Делает несколько шагов.)

А ведь я уже не верноподданный
Твоего чудесного народа.
Что, трактирщик?

(Идет дальше.)

Мой Кромдейр могуч и ревнив.

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Те же, без Эммануила.

Клод-рыбак приближается к столу и протягивает
руку.

Если ваше вино ему не по вкусу,
Оно, как раз, придется по вкусу мне
И забулькает у меня в тепле желудка
Ничуть не хуже, чем здесь, на столе.

Фома Пибуй.

Чур тебя, не пей, голубчик.
Плещи его наземь!

Вот так!

(Выплескивает вино. Минута молчанья.)

Пьер Дамас.

На подбородке пух, а чванства целый лес.
Учеба священников не пошла ему впрок.
Как был он отпрыск черствого колена,
Так и остался сухой корешок.

Фома Пибуй.

Кромдейр — старик, говорят крестьяне,
Он старейшина всех деревень.

Это общий голос, и я ему верю.

Но есть другой Кромдейр:

Молодой, подвижный хлопотун —

Точь-в-точь мезенский жеребенок.

Если б все по прежней колее,

Если б не жандармский хищный ялов,

Если б не окружный город Пюи,

А за ним другие города,

А за ними чудовищный Париж,

Что ладонью может нас накрыть, —

Показал бы вам себя мой резвый Кромдейр.

Ваша память коротка — мой длинен век.

Помню разные дела, — теперь таких нет.

В дни моей весны двадцатой,

Было жарко в наших деревнях:

Повелись тогда по воскресеньям

Молодежи жаркие бои.

Бывало, после праздничной службы в Лоссоне,
Засядем мы, мальчишки, в своем кабачке.

Всеем служанка раздвигает стаканы,

Посередине ставит бутылку на круглый стол.

(Роется в кармане.)

Перво-наперво у себя в кармане каждый щупает
нож,

Вынимает его, разворачивает, подушечкой мизинца
щупает сталь.

(Вынимает нож.)

И за шуткой, прибауткой, за веселой болтовней,
Под столом втыкает живо в деревянное мясо

доски,

(Втыкает нож под стол.)

Чтоб потом уже спокойно разговаривать, пить,
Широко расставив локти, горланить, кричать.

Подходи к нам, кто хочет, о чем хочешь проси:

На невежливую просьбу

Под рукой сверкнет ответ.

(Вырывает нож и бросает его на стол.)

Отчего у меня не хватает пальца?

Его отхватил один из Дейнаков.

Я знавал человека из Сен-Пьера,

У него лишь половина уха,

А другая в чужих руках осталась.

В это время мы тихонями сидели.

Вот ребята из Фая были забияки.
Кромдейрские тяжелы на подъем:
Но раскачавшись не любили шуток.

Разносчик.

Из-за чего же вы друг друга грызли?

Фома Пибуй.

Ба! Старинное беснованье из-за девок.
В те времена уже считалось худо,
Если милая девушка переглянется с соседним
парнем.
Что ни деревня, то свой запас девичий,
То своя — чужестранцу обидная десятина —
Для копыт чужого стада общинный луг под
запретом.

Нет, нет, да и стукнет чужой человек,
Выхватит одну да и женится на ней.
Он знал, чего стоила затея:
Мочка уха, полпальца, да мелочь передних
зубов —

Считалось дешевой покупкой.
Я, конечно, недавно топчу эту землю,
Но в старину, — рассказывал мой дядя,
Не болтун и не лгун, прямой старик, —
О чудной проделке Кромдейра.
Дело пахнет почти столетьем.
В те дни у них стоял девичий недород:
Им на роду написано рожать

Не девочек, а мальчиков, такая уж порода.
Не напасешься жен на столько-то мужей.
То был, наверное, мучительный извод.
В один прекрасный день, на улей ярмарки
с пчелою-королевой,
На Монтусклат, они скатились с гор,
И в сердце праздника, как банда южных
туч,

Ударили грозовою ватагой.
И сколько было милых девушек-плясуний
На седла подняли, верхами увезли.
Раз лезут на рожон, не обошлось без спшибки:
Брошенные тела и пролитая кровь.
Но девчонки остались за ними, за сволочами.

(Минута молчанья.)

Клод-рыбак.

Вы, Фома, хороший рассказчик,
И не даром вас вокруг
Хитрым дедушкой зовут.
Рассказать бы вашу сказку
Кружевницам у огня.

Фома Пибуй.

Можете думать, что угодно,
Эта обуза не по мне:
Я отвечаю за скотину,
Девушек выбросил из головы.

АКТ ВТОРОЙ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Ганьская долина у нагорья Планки; ни ложбин, ни складок, — глубокий, цельный амфитеатр; сбоку вьется дорога; на горизонте четкие зубцы серых гор.

Между первым и вторым актом прошел час.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Эммануил один.

Эммануил.

Ручей изломанным коленом
Светло бежит на дне долины;
Так молния в траву живая,
Но охлажденная ушла.
И обруч горизонта стяннутый
Так неожиданно расширился,
Как будто винный пар гостиницы
В плеча поднялся мощных гор.
О, Гань, твоей струи журчанье
Меня могло глушить и нежить, —
Вот ты ушел и закатился,
Как мысль в раскрытые расщелины.

Здешний ветер молодит и щекочет кожу,
То сверчком забивается в ухо, то раздувает
мехами

Воспоминанье о песне старинной в голове тяжелой от шума.

Но, кажется, чиркнул башмак о песок —
Я не один карабкаюсь на эту кручь:
Я ли, взбираясь, замедлил шаг,
Или тот — другой, за мной, скороход?

(Снова глядит в глубь амфитеатра.)

Эта кровля, сползающая в Гань,
Еле приметная кровля,
Чуть приподнятая, как ноготок.

(В глазах его полуулыбка.)

Кухня — четыре шага,

Две балки в глубоком квадрате окна
На двух перекладинах крепко сбитых и старых,
Крест-накрест в окошке распятый свет,
И крестовидная тень на столе.
Я поджигаю валежника ворох,
Огромный очаг зияет,
Как вход в потусторонний мир.

(На мгновенье умолкает.)

Или на почве отлогой
Подобравшийся в гору дом пастуха;
Нежно выструганные тонкие планки,
Четвероногий сундук.
Солома. Расстеленные одеяла

Вам не трудно будет смекнуть,
Кто я таков и зачем иду.

(Эммануил не шевелится.)

Трудное дело, как ржавый гвоздь!

(Молчание.)

О, тут нечего кутаться тайной,—

Шила в мешке не утаишь!

Вы уже догадались, сын мой:

Моя сутана говорит за себя.

Эммануил.

По церковному делу? Вы? К нам?

Настоятель.

Этот мальчик свалился с туч.

Собирают сенат свой кромдейские старцы.

Сегодня, в день седьмой от рождения луны,

Я должен там быть, согласно обещанью,

Чтоб неленую распрю убить.

Монсеньор вручил мне ключи убежденья:

Я надеюсь посеять разумный совет.

(Воодушевленно.)

Дивлюсь, откуда только взялся

Их еретический уклон,—

Они себе забили в темя

Своею дерковью обзавестись.

И вот—скребут и роют землю,

И кучи щебня и седые валуны!

Величиной с быка обтесывают камни

И трудятся, как некогда языки

Над вавилонской башнею своею.

Что на уме у монсеньора? что говорят у нас?

Ба, смех и горе нам!

Мы не хотим их самодельной церкви,

Они ж репаются спиною к мессе стать,

Из списка дней вычеркивают воскресенье,

Как патагонцы-дикари.

Все или ничего!—заладили одно:

В Кромдейре или хоть нигде!

Не сгибается у них, как видно, шея!

Легче им оскотиниться, чем уступить.

А кирпичу извели! А щебню!

(Обрывает. Продолжает более спокойно.)

О, бунтовать они не новички,

Ибо достойный мой предшественник

Ел тот же горький хлеб перазумья.

В те памятные дни стои стоял в воздухе

От видений матери Агаты.

Людская память коротка.

Надеюсь, старая карга

Калачником свернулаась в лоне Вельзевула.

Эммануил.

Но еще недавно в Пуи, в семинарий,

Снарядили они первенца из старинной семьи:

Он вернется и откроет дерковь.

Настоятель (*пожимая плечами*).

Между нами, он в монастыре не уживется—
Вылетит в трубу его латынь.
И потом какие гордецы—
Выбирать священника на свой вкус.
Иерархам навязывать земляка!
Разве можно, как дерюгу,
Церковную ризу в клочья рвать?

Эммануил (*кротко*).

Эту речь вы приготовили
Для совета кромдейрских старшин?

Настоятель.

Поймите: я спасаю души из капкана,—
Бог даст мне ударный и сильный глагол.
Если дьявол-хитроумец не изловчится,
Он потеряет и последнюю дичь.
О, если б елей послушанья и смиренья
Пролился на гордую волю Кромдейра!

(Снова воодушевленно, но растроганно.)

Не жалейте пары башмаков
На пять верст за мессой в воскресенье!
Не ленитесь дать вторую жизнь
Новорожденным младенцам
Из купели чистой Иордана!
Монсиньор—безоружная крепость
Для кротких помыслов своих овец.

Не возьмешь его силой: неленость
Огорчать его доброе сердце.

Эммануил.

Мой совет: итти вам не нужно,
Итти вам незачем: подъем крут.

Настоятель.

Что вы сказали, мой мальчик? Я не расслышал.

Эммануил.

Я немножко терся в Кромдейре:
Знаю, как стучат клюки старейшин.
Возвращайтесь, ваше преподобье.

Настоятель.

Почему же?

Эммануил.

Что им дерковь? Гранитная рубашка.
Месса без Кромдейра для них не месса—
С прошлого лета молочная крынка.

Настоятель.

Святая дева! Небесная роза!
Какая странная мысль!
Как будто разный бог и разная бывает месса.

Эммануил.

Сказать вам правду,—разбираясь в боге,
Они находят разные оттенки.

Настоятель.

Но ведь это черное безумье,
Страшное пустое бормотанье!

Эммануил.

Нужен долгий срок для пониманья:
Я понемножку к нему привыкаю.

Настоятель.

И, по-вашему, они христиане?

Эммануил.

Я так думал еще недавно,
Но теперь, подумав еще раз,
Я, пожалуй, скажу иное.

(Настоятель отступает на шаг и молча
смотрит на Эммануила.)

Настоятель.

Кто вы такой?

Эммануил.

Я? Кто такой я?

Настоятель.

Я скажу вам, кто вы такой:
Эммануил, сын Элье,
И возвращаетесь из семинария.

(Они умолкают и наблюдают друг за другом.)

Эммануил.

Значит, мы — попутчики, прекрасно!

Настоятель.

Значит, в замшевые уши старейшин
С вами вместе мы будем кричать?

Эммануил.

Что ж, иногда они принимают
Совет молодого петушка.

Настоятель.

Если так... Сегодня день неподходящий —
Мне придется дело отложить.

Эммануил.

Рассказать ли мне там о встрече?

Настоятель.

Скажите, что я хотел прийти,
Но...

Эммануил.

Что было немного жарко
Для такого трудного пути.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Площадь совета в центре Кромдейра-старого. Сплошной пояс домов из базальтовых глыб, скрепленных темно-красным цементом. Все кажется плотно пригнанным, неколебимым, непроницаемым. Лишь внимательный глаз различает кой-где отверстие: то ли вход в жилище, то ли проход в улочку. Мостовую образует сама скала, зернистая и блестящая. На равных промежутках—каменные скамьи, точно пограничные вехи. На них сидят старейшины, числом тринадцать.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Совет старейшин. Дидье, Яков-каменщик, Жеро, Элье, Фульгентий, Готье и еще шестеро. Дидье—справа, Яков—слева, в глубине—Ансельм, Элье—справа от Ансельма.

Дидье.

Сперва нам Яков все доложит, как следует.

Яков-каменщик.

Церковь готова. Вы сами видели,
До совершенства довел я кровлю;
Я вымостил большой корабль и хоры.
Остается добыть у стекольщика несколько футов
Для трех круглых окошек, где еще гуляет ветер.
Но с этим не спешно, и время терпит.
Сентябрьские деньги, что Дидье мне сдал на руки,
Я расходовал исподволь, до конца зимы.
Сорок франков задатку ушло на ореховые кафедры.
Да еще Жану Мулену мы должны десять рабочих
дней.

Дидье.

Теперь отвечу я: спасибо вам, каменщик Яков:
Окончена церковь своими средствами.
Она стоит, пусть монсеньор епископ злится,
А с ним наш добрый, приятель-кюре из Сен-Фрона.

То-то ему не спится восемь лет и четыре
месяца,

То-то не доволен аббат, наш добрый друг,
Обещавший проведать нас сегодня.
Вы исполнили точно, мастер Яков,
То, что мы приказали, что замыслил Ансельм,—
Ему же первое место средь нас.
И для постройки вы брали камни,
Выкорчевывая их, разборчиво—
В пределах двух тысяч шагов
В окрестности от сердца Кромдейра.
Вы брали сосны в лесах неделимых от века,
Где ни один корень, ни одна шишка
Никому ничего не могут быть должны.
Мы владеем этими деревьями
Не по какой-нибудь хитрой купчей,
Не колдовством нотариальных перьев,
А потому владеем, что деды
Вывели на свет их зеленые кроны
На земле девственных угодий,
Где Кромдейр — единственный держатель.
Вы могучий материал связали,

Мастер Яков, старинным цементом,
Чей состав у вас в семье известен:
После ста прорезываний лунных
Он прочней, чем после десяти,
После тысячи — песокрушим.

Жеро.

Предлагаю старейшинам созвать праздничный
сход —

Почтить весельем конец работ.

Фульгентий.

И я тоже.

Дидье.

Одобряю.

Ансельм (*слабым голосом*).

Что ж вы предлагаете, Жеро?

Жеро.

Если будет солнце, то хоть здесь поставить
праздничный стол,

А не то в самой церкви, как в праздник Грачей.

Дидье.

Ансельм, вы у нас почетный старик,
Все голоса покрывает ваш правый суд,
Но сейчас нужно подумать, как порадуетя
Кромдейр.

Ансельм (*понемногу воодушевляясь*).

Друзья, пирушка, как в праздник Грачей,
Вряд ли сможет насытить весельем Кромдейр.
Скажите, как бы отпраздновали люди старинных
лет

Таких трудов огромных величавый конец?
С самых глубоких, незапамятных времен,
С тех пор, как на этом месте Кромдейр увидел
свет, —

Ибо здесь, где мы стоим, он продырявил гранит, —
Это самый большой, самый торжественный миг.
Жеро, чего вы хотите? Пирушку, как все?
Жареный ягненок, румяный барашек в соку...
Тысяча лун родятся и приблизится срок:
Не забудьте, мы празднуем сразу и заодно
И труд свежо оконченный и начало грядущих дел.
Я требую крутого пира,
Стол, ломающихся от снеди,
Неистовства жажды,
Пьянства, текущего в жилах, —
Чтоб на испарину не меньше двух дней!
Не ради голода, не ради жажды, —
Жеро, а ради насыщенья, —
И совсем не ради насыщенья,
А ради веселья Кромдейра!

Дидье.

К вашему совету, Ансельм,

Мы охотно склоняем слух
И подумаем, как устроить пир.

(Запинается.)

Но меня смущает другой вопрос:
Церковь кончили тесать,
Но священник еще не достроен.

ГОТЬЕН.

Что нового с сынком Эммануилом?

ДИДЬЕ.

Чудится мне, он скоро вернется.
Мы получили нехорошее письмо:
Молодой человек с порядочным поровом
И, будто бы, всем против шерсти идет
И во что вгрызается, зубов не разожмет.
Еще говорят: завел голубчик, воркованье
С какой-то девченкой из соседних деревень.

ЭЛЬЕ.

Всего, что случилось, могли мы ждать заранее:
У меня на ладони мой сынок Эммануил:
Будь он служка дерковный в кружевной пелеринке,
Осторожный крысенок с душой слизняка,
И тогда б себе нажил он врагов не меньше!
Ах, не нужно им, поверьте мне —
Ни священника, ни нашей церкви!
Эти попы долинного народа
Над ней смеются всем в глаза.

Еще намерен этот козел из Лоссоны
Чердаком для соломы ее обругал.

ГОТЬЕН.

Вот уж подойдет господин настоятель,
Мы тогда узнаем, на каком мы свете.

ЭЛЬЕ.

Что говорить: болотный народ
Ненавидит Кромдейр от века;
Если Кромдейр упадет ниц,
Его приласкают, как собаку.

А почему ненавидят нас болотные недомерки?
Потому что Кромдейр еще не выбит из
седла,

Потому что старинный хозяин Севенны
Еще цепляется за последний свой утес.
В старину мы держали всю эту гать,
Наша власть упиралась краями в горизонт
На запад, насыщенный голубизною гор.
Кромдейр был держателем трех доли, —
В четырех потоках омывал ступни, —
Но однажды, как мусор под пятой южных
ветров,

Недомерки вылезли из земляных дыр;
Они навалились со всех сторон,
Облачили множеством, клешнями толп.
И медленно мяли и плющили нас.
Что осталось?

Орешек: одно ядро.

Дидье.

Хладнокровно, обдуманно наш выбор пал
Ни на кого другого, как Эммануил.
Ансельм его наметил, зная насквозь.
Из всех своих сверстников—самый склад-
ный он.

(К Элье.)

Он сын ваш.

В нем течет превосходная кровь!

Ансельм.

Он лучший из юношей и стариков,
Самый крепкий мыслью и быстрый умом;
Он твоя дозорная башенка, Кромдейр,—
А Кромдейр—именник славы своей.

Пока мы мужали, он томился без сил,
Но проснулся для жизни десять лет назад.
Выждав наступление тысячной луны,
Кромдейр выпрямляется и снова цветет.
Ныне вся его сила ушла в молодняк,
И нас затмевает уже молодежь.
Когда они исполнят умыканья обряд,—
Для них справедливость награду зовет,—
Власть должна перейти к ним из наших рук,
И если правит над миром везде
Держава жестоких и грустных стариков,
Кромдейр значит—праздник и хоровод:
В этом слове народная радость поет.

(58)

Готьен.

А толстому аббату какую скажем речь?

Элье.

Мы ему скажем, что нет перемен,
И что если пришел он наше право скрепить,
Без ущерба он может вернуться домой.

Голоса из собрания.

— Пойдите, слышите:

человек идет!

Уж не наш ли это любезный друг?

— Нет, это шаг молодой стучит.

Этот шаг по камням не тащит ног.

— Это шаг Эммануила,

это он идет!

(Несколько мгновений молчанья.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Те же, Эммануил, потом мать с больным ребенком.

Элье.

Эммануил, ты?

(Появляется Эммануил на переднем плане, слева.
Он одет по-дорожному.)

Дидье.

Раньше времени ты возвращаешься,
Эммануил. Другого мы ждем сюда.

(59)

Эммануил.

Другого? Толстую рясу с одышкой?

Эльбе.

Ты его встретил, святого апостола,
Дорогого пастыря, что любит нас слишком?

Эммануил.

Встретил, хоть и не знаю его.

Эльбе.

А что он сказал?

Готьен.

А как он сказал?

Эммануил.

Он лез, пыхтел и здорово сопел.

Эльбе.

Куда же он делся, наш добрый пастырь?

Эммануил.

Он слезает, пыхтит и отирает пот.

(Смех.)

Готьен.

Он показал нам спину, а мы-то тут ждем его!

Эммануил.

Я решился отправить его на покой;

(60)

Это был, я думаю, христианский долг:
Такой тучный человек! такой крутой подъем!
(Собрание громко хохочет.)

Дидье.

А тебя какой ветер сюда принес?

Эммануил.

А вы еще не знаете?

Вот так раз!

(Молчанье.)

Еще не получили их письма?

(Молчанье.)

Ваш ребенок притомился,

Нельзя ли, старейшины, ему присесть?

(Он опирается на выступ скалы.)

Дидье.

В том письме, что мы получили,

Лесть не вяжет строки.

Говорят, с какой-то резвухой

Ты завел пашни на стороне.

Я молчу. Но разве это подспорье

К изучению алтарного ремесла?

Или так опасна девичья предель?

Или нам солгали в письме?

Эммануил.

Это правда, — хоть невеличка.

Настоящую — скрыли отцы.

(61)

Дидье.

Говорят, ты спорщик, — петух!
Что в тебя вселился дух зла
И что ты не в ладу с наукой.

Эммануил.

Я внимательно слушал, напрягши слух,
Не за страх, а за совесть долбил латынь;
Но тонзуришки меня не могли убедить:
Я согласен с грамматикой, с папой — нет!
Я склоненья знаю — Рима знать не хочу!

Дидье.

Усумнился итенец желторотый
В уме почтенных людей?

Эммануил.

Эти люди хранят уверенный вид.
На собеседника брыжжут слюной,
У них своя правда, своя голова, —
Мой череп другими нитками шит.

Дидье.

А возможно ли это, мое дитя?

Эммануил.

Трезвоном разных печальных слов
Они колоколят о боге из Пюи,
О боге для Рима, быть может.
Но для Кромдейра — никогда.

Ансельм (с большим волнением.)

Эммануил, наш первенец, Эммануил,
Избранник, отмеченный высоким лбом.

Эммануил.

Ансельм! когда мальчишкой в башмаках
деревянных

Я жизни учился под вашей рукой,
Я был переимчив: мне чудился в мире порядок,
Хоть таинственный мир чудесами кипел.
А с ними нет мочи: смешок или зевота.

Готьен.

Значит, ты нам обещано не будешь служить?

Эммануил.

На что мне, старейшины, священный сан?
Но если вам так нравится и так хочет Ансельм, —
Так и быть, буду священником для вас одних.

Дидье.

Тут что-то неладно!

Ансельм.

Говори, сынок!
Будь сердцу подсказчик там, где оно молчит.

Эммануил.

Зачем притворяться народом, как другие,
Зачем притворяться детьми одного отца?

Что здесь возвышенного? Печаль и унижение —
Искажать вечным притворством черты своего
лица.

Чужестранцы и мы — нас всех крутило время.
Где твой бог, Кромдейр? Где общий римский бог?
Мы забыли, и еле помнит мать Агата.
Но десять лет бредем обратной тропой.
Уже слава — спиной повернуться к их мессе,
Уже очарованье — не стоять с ними в одной
толпе.

Для того ли мы тесали и гранили нашу церковь,
Чтоб сказать: научите нас кланяться и бормотать
И о земле и о небе, о входе и выходе мира —
Распевать небылицы, к которым глух Кромдейр?

Дидье.

Я подавлен согласием одного и другого:
Но случайно сговорились старик и молодой;
Мнится, опираясь на одну ошибку,
Столько лет они прошли вместе, рука с рукой.

Анселм.

Да будет хвала вам, отцы семинария!
Ты ушел неплохим, а вернулся — куда как хорош;
Они тебя заперли в бессолнечной келье,
Ты ж веселился мыслью и в грязной тюрьме.

Эммануил.

Это бросилось мне в голову во время подъема,
Выстукивая палкой дробь по камням.

(64)

Да что говорить! Миг родил решение, —
Я тут сам непричем, меньше всех — монастырь.
Я был скверным мальчишкой: во время занятий
Я вырезал на парте перочинным ножом
Портрет учителя с мордочкой лисей,
Что долбил нам писанье и греческий язык.
А ночью меня бесил в дортуаре
Один из Бриуды, толстый мужлан,
Краснощекий невежа, раздутый домашней снедью;
Я ненавидел его пороссячий храп.

(На мгновенье задумывается.)

А я бы ушел, все равно,
К годовщине тысячи лун.

Фульгентий.

А зачем, сынок Эммануил,
Ты понадобился тысячной луне?

Эммануил.

Что, Фульгентий: тесно вам, мужчинам?
Иль, может, девичья коса
Темной прядью застит божий свет?

Жеро.

На что вы жалуетесь, Фульгентий?
Что наш священник в любви не профан?
То-то будет нам, старым дьяволам рыжим,
Исповедываться у него лафа.

Кромдейр-старый.

(65)

5

Эммануил.

Постная рожица, шопоток исповедальни —
Баста! Кромдейрский невежливый бог
Не любитель римских бирюлек.

(Смеется.)

Мы их выкинем, отец Ансельм.

Дидье.

Ты, юноша, спешись, зарвешься,
Сам не заметишь, как споткнешься.

Эммануил.

Полно вам, я шагнул вперед —
Чувствую: опыт мощно растет.
Только что был я глупый школяр,
Но дышит мне разумом шершавая скала.
Ансельм, нам нужно выбелить, вымыть Кромдейр,
Чтобы он всеми гранями сверкал
И с весельем озирает свой законный женский
надел.

Вы колеблетесь, Яков, и вы, Готьен?
Значит, вы не знаете, как могуч Кромдейр.

(Выпрямляется.)

Терпенье!

(С минуту раздумывает. Лицо его меняется, голос тоже.)

На сегодня — короткая притча,
Легкое поученье, как жужжащая оса.

(Снова думает. Потом, с внезапной силой.)

Когда я поднимался ребром котловины,
Сухой воздух потрескался от детского плача.
Задыхался больной ребенок Берты,

Пусть его принесут сюда.

Он властно протягивает руку. Один из старейшин встает
и уходит за ребенком. Совет мгновенно безмолвствует, жадно
вглядываясь в Эммануила, который исполнился молодым
величием.)

Старейшины, старцы, кромдейрская кость!
Встаньте, прошу вас, и глядите на меня:

(Они повинуются.)

Да прольется в меня ваш темный бог из погребов
сознания!

(На мгновенно умолкает.)

Вам говорю: я исцелю ребенка!

Старейшина возвращается с женщиной, которая несет
больного ребенка. Лицо ребенка сводит судорога. Он непре-
рывно и тихо стонет.)

Старейшина.

Мальчика принесли, он с утра лихорадит,
И внутри у него, говорит, раскаленные угли.

Эммануил.

Дитя мое! Мальчик! Холодные ручки!
Вложи свои ланки в мои большие ладони.
Дитя!

Я сильнее, чем мезенский бык,
Ты понял? Я сильнее, чем южный ветер-свистун.
(Ребенок волнуется и тихо плачет.)

Ты плачешь?

Хорошо!

Ты будешь здоров.

(Ребенок перестает плакать. Не отрываясь, он глядит в глаза Эммануилу.)

Боль тебя отпустит.

Руки твои потеплеют.

В твоём нутре потухнет жаровня.

(Лицо ребенка понемногу светлеет.)

Тебе говорю я: ты не умрешь.

(Ребенок улыбается. Эммануил отпускает его ручки, все время глядит на него и как бы благословляет широким движеньем руки.)

Ступай.

Спи крепко.

И дай выснаться матери.

АКТ ТРЕТИЙ.

Поросший травой склон в долине Лоссоны. Обломки скал. Пихты и лиственницы. Дальше — изрытые ручьями ложбины, русла потоков. Кой-где искривленные сосны с развороченными корнями; набухшие сыростью пригорки. От земли до облаков — все оттенки глубокого и живого серого цвета.

СЦЕНА ПЕРВАЯ (и единственная).

ТЕРЕЗА, ЭММАНУИЛ.

ТЕРЕЗА сидит на траве, шьет. Возле нее лежит собака. Время от времени она бросает взгляд в сторону стада; оно близко, но его не видно.

Сверху [приближается голос Эммануила, поющего песню.
[Он подходит. Собака встает, потом лает.

[ЭММАНУИЛ.

На меня окрысилась твоя собака.

Разве она меня не узнает?

ТЕРЕЗА.

Эммануил, конечно, она тебя знает,

Но лишь наполовину признает.

Это совсем не одно и то же:

Любить и знать — две разные вещи.
Чужой человек для нее — иностранец,
Полный опасной и темной силы.
Разве она глупа для собаки?

Эммануил.

Но скажи, хорошо ли, по крайней мере,
Кружит она и гоняет стадо?

Тереза.

Недурно, если нет другой забавы, —
Она, ведь, шальная, игрива.
Вечно у нее в голове играет
Всякая разность — не по ремеслу.
Долго скребет лапами землю,
Буравит ее до глубоких дыр
И принохливается носом,
Словно учуяла зарытый клад.
А еще муравьев не любит,
Рада с ними вести войну,
Разворачивает муравейники
И свирепо их ворошит.
Возвращается — вся горит в укусах,
Муравьями облеплена до ноздрей,
Дух переведет, и опять за работу...
Ах, если б она захотела —
Могла бы напои собачьим быть!

(Молчанье.)

Эммануил.

Когда я спускаюсь с горной площадки,
Тереза, я вижу с ветряной вышки
Стада, ползущие по долине.
Если твое передвинется стадо —
Я узнаю его сразу
По размерам пятна и форме клина.
Так лицо меняет выраженье,
А под ним постоянное имя.

Тереза.

Так повелось у меня от барана
И от этой черной овечки,
Что гуляют вокруг черешни,
И всегда на одном расстоянии,
Без отводу и без приводу,
Как луна и звезда, ее спутник.
А по ним равняются другие.

Эммануил.

Замечательно стройное стадо.
А еще хорошо на свете
Быть бараном и черной овечкой.
Я сейчас подумал, Тереза,
Что вы, деревенские люди,
Разнобоем живете, в одиночку
И празбивку, друг друга чураясь.
Вы соседи только по-неволе,
Да еще по старой привычке.

Ваш народ никогда не смыкался
В одно пестрогрудое стадо.

Тереза (смеется).

Я сейчас умру от огорченья.
Как же мы от зависти не лошем,
Что кромдейские пасутся стадом!

Эммануил.

Будь я вашей деревенской крови,
Я бы выучился вашей жизни:
Хорошо закрытая коробка,
А внутри детеныши под крышкой,
Сердце твердое и заячье ухо.
Или постоянный двор открыл бы
На каком-нибудь ужасном месте,
Как безлюдная излука Планки.
Или, как Фома Пибуй, поставил
Для себя шалаш, от человека
Тысячу шагов кругом отмерив.

Тереза.

Эммануил, скажи, что это значит?

Эммануил (как бы не слыша, на мимовенье смолкает,
потом, не глядя на Терезу, продолжает.)

Кромдейр, со всеми углами, — единый дом,
Стена Элье не встанет Якову поперек.
Кромдейр повис на вышке, как пористый

известняк,

И в позреватом камне пламя старинных лет.
Выщербленные переулочки теснятся в сводчатой
тесноте.

Камень теплый и блестящий от службы вековой.
Синий обрезок неба тает между рядами крыш,
Потом все сжимается и вытягивается в длинный
коридор.

Где-то за дверью слышно человек храпит.

Ступеньки. Подымаешься. Срезает голову
косяк,

И вдруг ты натыкаешься на качающийся свет—
Это семейство ужинает за круглым столом.

(Молчанье. Он встает.)

Человек из Кромдейра свой дом перешагнет
Лишь через все пороги и то в последний миг,
И когда подкатит к его горлу ветров равнинных
ком,

Ибо со всеми углами Кромдейр — его дом.

(Молчанье.)

Таким коридором в зимний день
Иногда мне случается бродить
По щербатым лазейкам без конца.
Одинаковый всюду очажный дым,
И отеческий кров нерасторжим.
Это горячий и нежный путь,
Тереза, это — любовный круг.

(Молчанье.)

Но лишь в Кромдейре или нигде.

ТЕРЕЗА.

Опять ваша гордость, Эммануил.
Значит, вы лучше других людей?
(Короткое молчанье.)

ЭММАНУИЛ.

Да, мы лучше других людей,
Но не об этом сейчас речь.
И сбоку и сзади торчит сосед:
К нему справедливая ненависть кипит, —
И я ненавижу соседский тын:
Сосед на вас смотрит, сощурив глаз,
И дурно пахнет, как хорек;
Хорошо, что он кой-чем прикрыт,
Не хотелось бы видеть его нагим.

ТЕРЕЗА.

А что же, в Кромдейре не так живут?

ЭММАНУИЛ.

Тереза, Кромдейр — один человек.
Человек не брезгает сам собой,
Не боится блеска своих зрачков.

ТЕРЕЗА.

Наши люди говорят,
Что в союзе вы крепкиши.
Неужели злой человек
Не сумел затесаться к вам;
Злоязычник, хитрый шептун,

Иль завистник чужого добра,
Или сладкоречивый ханжа:
Мягко стелет, а жестко спат?

ЭММАНУИЛ.

Люди у вас с бору по сосенке, собирались ивесть
откуда,
Из далеких окраинных скважин ручьями текли,
Против нас заключили союз — для воровского
набега,
Чтобы загнать Кромдейр на оселок горной земли.
Много враждующих рас угнездились в ваших
селеньях,
Тысячелетия брачных прививок даром прошли.
Сборная плоть не дала единого сплава,
И свояки друг на друга исподлюбья глядят.

Кромдейр — кусок мяса
На солонцепеке скалы,
У него особый запах.
Много гордости, много коварства,
Много ненависти и много лукавства.
Умный зверь бережет для других свой яд,
И никогда сам себя не укусит.

(Молчанье.)

ТЕРЕЗА.

Тяжела тебе, видно, была монастырщина,
Если так сильна к Кромдейру любовь.

Эммануил.

Я вернулся... и вот — я на старой земле стою.

(Молчанье.)

Тереза.

Значит, ты раздумал у нас быть священником?

Эммануил.

Я высоко забрался,— мне трудно слезть.

Тереза.

Ты будешь пахарь или виноградарь?

Эммануил.

Тереза милая, не то, не то.

Тереза.

Так что же?

Эммануил (подумав).

Я, кажется, буду, как твой баран,—
Собиратель стада и формовщик.

(Молчанье. Протяжный звон колокола.)

Уже без четверти двенадцать бьет.

В путь пора, я отдохнул.

Кромдейское сердце наверху...

(Подымается.)

Но я спускаюсь из года в год

По крутосклонам, и долина меня манит.

(Улыбается.)

Ты с горы меня сманила, Тереза.

(Молчанье.)

Когда я на горной площадке гоняю табун,

Я невольно спускаюсь пониже, сюда.

Ах, мне трудно здесь, мне недужно,

Как лисе заманенной в капкан.

(Долгое молчанье.)

А мне бы вырвать тебя наверх!

Тереза.

Полно баять, полно баять,—

Я совсем не кромдейрка.

Кто я? бедная лоссонка

И — орел или малиновка —

Я не горная жилица.

Эммануил.

Это правда, а не выдумка.

Без тебя — хоть удавиться.

Тереза.

Вот так раз — ишь рассмешил:

Нашел дурочку, краснобай!

Скажет еще, что ради Терезы

От монахов удрал: какой любезный!

А еще проповедник!

Эммануил.

Ты послушай,

Какие мысли мне спать не дают:

Скоро ты станешь мне насушней хлеба;
За тобой, скрепясь сердцем, я сойду с гор,
Приду к отцу и матери-старухе;
Скажу: у вас дочка — мне нужна жена!

ТЕРЕЗА *(глядя ему прямо в лицо)*.
Говорят, что в наши дела девичьи
Никогда не мешался Кромдейр.

ЭММАНИЛ.
Неужели, Тереза?
Кто говорил?

ТЕРЕЗА.
Я у матери спросила, она мне сказала.
(Молчанье.)
Да о чем говорить: ни за что на свете
Старик не отпустит дочку в Кромдейр.

ЭММАНИЛ.
Значит, был разговор, Тереза?

ТЕРЕЗА.
Быть может.
(Молчанье.)

А я, ведь, просватана, чуть-чуть, немножко,
Кое-кому, кого ты не знаешь,
Если тебе не наболтали только.

ЭММАНИЛ.

Нет, не слыхал.

Впрочем, мне что за дело?
(Молчанье.)

ТЕРЕЗА.
Вот ты как — глазом не моргнул.
(Молчанье.)

Видно, все влюблены в тебя, девчонки.
Наверху — ждут тебя, не дождутся!
(Молчанье.)

И уж, наверно, ни одной дурнушки
Не сыскать в хваленной вашей деревне.

ЭММАНИЛ *(изменившимся голосом)*.
Тереза, нам нужно сговориться:
Ты должна меня слушать, а не смеяться,
А потом держать язык за зубами.
(Сначала запинаясь, потом тихо, неуверенно и срываясь.)
Мучит нас в Кромдейре один изъяз.
Мы — исконный народ самцов.
Урожайный или не урожайный год —
Мальчиков много, а девочек недобор.

ТЕРЕЗА.
Я не знала, верить мне или нет —
Мало ли что про вас говорят.

ЭММАНИЛ.
А по-моему, в этом скрыт намек,

Что Кромдейру властвовать — рок.
Глубоко коренится суть вещей.
Кромдейр всегда вниз глядел,
Припадал к долине и видел в ней
Для себя рассадник дочерей.

(Воодушевляется.)

Но отвращенье выклиничивать нам
Для себя вразбивку будущих жен.
Поглядел бы я, как наши молодчики друг за
дружкой спускаются с гор,
Гладко выбритые, причесанные, сердечком губы
сложив:
— Батюшка, коньячку не хотите ли, не хотите ли,
матушка, табачку?

Нет.

Времена переменялись, и Кромдейр уже не тот,
Но из старинных вольностей кой-что он сберег.
(На мгновенье умолкает. ТЕРЕЗА вглядывается в него.)

В Лоссоне, на ярмарочном хороводе,
Ты не будешь?

ТЕРЕЗА.

Нет... я надеюсь быть...

ЭММАНУИЛ (медленно).

Ты придешь, ты там будешь, Тереза,
Ты глазами наметил меня в толпе;
Не удивись там ничему, Тереза,
Не испугаешься, не дрогнешь!

ТЕРЕЗА.

Как вещун говоришь ты
Глухим голосом.
(Он хранит молчанье и кажется рассеянным.)
Знаю.

Ты хочешь меня испугать.

(Молчанье.)

Я должна знать всю правду.

(Молчанье.)

Ты хочешь проучить молодчика?

ЭММАНУИЛ.

Какого молодчика?

ТЕРЕЗА.

Ну... молодого человека,
С которым я помолвлена... немножко.
(Быстро.)

О, ничего серьезного, просто
Отец придумал — и только всего.

ЭММАНУИЛ.

Но, прежде всего, ты его не любишь.

ТЕРЕЗА.

Ты почему знаешь?

Эммануил.

(Молчит несколько мгновений, погрузившись в какую-то мысль. Потом вдруг вскрикивает.)

А, это справедливость!

Двадцать племен слетели с четырех ветров
И свой шатер разбили пред Кромдейром,
Чтобы выбить из седла хозяина земли.
Но за нами ответное право и возмездье
В первоначальной чистоте нас пожирающей крови.
Хорошо, когда любящая жертва веселит себя
согласьем.

Спору нет.

Но Кромдейр подождет.

А согласие придет не сегодня, так завтра.

Кромдейр когтит так сильно

Чужую, дорогую плоть,

Что прозрачным соком рябиновки она течет
у него в жилах.

(Тереза глядит на него с некоторым страхом. Он подходит к ней.)

Тереза, на тебе кромдейрское тавро.

Отлучи себя поемпогу от лоссонских деревень,

С их запутанной жизнью, по указке землемера.

Воспитай свою волю для родины с кражистой
выей,

Для земли, взошедшей опарой, как королевский
прог,

И для радости нашей, что свистом питается
горным.

Тереза (*внезапно разрыдавшись*).

О, ты злой. Ты сильнее меня!

Я только бедное дитя.

(Продолжает рыдать.)

Но за меня постоят.

Эммануил (*тихонько лаская ее плечо*).

Нет, Тереза, готовься и жди.

(Долгое молчание. Тереза бесшумно рыдает, затем понемногу успокаивается. С колокольни доносится полуденный звон, наполняющий всю долину. Эммануил выпрямляется и прислушивается.)

До чего вы солнечный народ —

Ваши колокольни по солнцу звонят.

(Молчанье.)

Не по солнечным часам мы живем.

Мы — другие:

Нас больно томит

Смена лун. Три лунных перемены:

Как луна выходит на подножный небесный
корм,

Как откормленной телкой потягивается потом,

А потом, голодая, идет на ущерб!

Я боюсь: у вас в колоколах

Я почти отречение от родины пью.

О чем вещает их чудный звон?

Когда ветер, заряженный имп, плывет в горах,

Во мне просыпается тяга блаженных долин.

Мое сердце уносится, как ячменное зерно,

Туда, где Лоссона нежная на отлете равнин,
К черепидам красным Грива и к свайным мостам —
Туда, где Пюи на солнцепеке в виноградных
зеленях.

В Лоссоне колокола звонили,
Когда я уходил в монастырь.
Бывают такие деревни - шалаши,
Что звонят в своей горной тюрьме,
Чтобы доказать свое существование.
Приходилось тебе слышать о Беаже,
Одиноким стороже своей земли?
Я знаю: один человек
Пробирался в грозу через лесные кряжи
И разрыдался, как ребенок,
Услышав заглушенный, с подветренной
стороны, звон:
Что не пыль Беажа у него на башмаках,
И что не бросил он свой очаг,
Свою постель и жену с детьми
На попечение колокола в Беаже.
А зимой гудит на Большой Сосне
Колокол, как мохнатый шмель,
Пробиваясь сквозь сон и мять.
Наплывая на горную скатерть,
Пешехода делует в лоб,
Или, как ослабевший ветер,
Тихо ложится в сугроб.
Бесколокольная деревня Кромдейр,
Но на стропила звонницы втянуть

Наш мастер Яков колокол хлопочет.
Не нужно нам! Не нужно нам!
Мы никого к себе не зазываем.
Молчит Кромдейр, насторожившись,
Оседлав скалистого коня.
Кромдейр ждет, стиснув зубы,
Когда его голос созреет для крика.
Это не будет протяжный звон —
А скорей пороховая вспышка,
Раздирающая недра земли.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Внутренность дома в Кромдейре. Дом—очень старый и как бы оголенный. Большой очаг. Слева — оконце, выбитое в плотной стене. Немного света лишь в центре комнаты. Ключья соломы валяются на полу, спальном со скалой.

СЦЕНА ПЕРВАЯ (и единственная).

Мать Агата и маленький Жак. Посреди комнаты мать Агата сидит в соломенном кресле, повернувшись к оконцу.

МАТЬ АГАТА.

Где ты, Жак, где ты, внучек?

МАЛЕНЬКИЙ ЖАК. *(В руке у него ореховая палка.)*

Бабушка Агата, я здесь.

МАТЬ АГАТА.

Подвинь мне грелку

И соломенную вынь затычку

Из отдушины, что свет мне застит.

(Маленький Жак пододвигает грелку и, взобравшись на табурет, вынимает заслонку.)

А теперь чуточку присядь.

(Ребенок берет скамеечку и хочет примоститься справа возле старухи. Она останавливает его движением руки и показывает на другую сторону.)

Не сюда, сам должен знать.

(Ребенок усаживается. Мать Агата подставляет ему ухо.)

И расскажи, как уехали верховые.

МАЛЕНЬКИЙ ЖАК.

Все уехали, бабушка Агата,

Все уехали, вскочив на лошадей.

МАТЬ АГАТА.

В котором часу?

МАЛЕНЬКИЙ ЖАК.

По-моему, в десять.

МАТЬ АГАТА.

А где же они сговорились встретиться?

МАЛЕНЬКИЙ ЖАК.

У водооя, на водокачке.

МАТЬ АГАТА.

А было ли их пятнадцать?

МАЛЕНЬКИЙ ЖАК.

Ну, уж, конечно.

МАТЬ АГАТА.

А ты считал их, внучек?

МАЛЕНЬКИЙ ЖАК.

Нет, бабушка Агата:
Я считаю только до десяти.

(Молчанье.)

МАТЬ АГАТА.

Ох, как дует из-под двери!
Подложи, внучек, в щель соломы!

(Маленький Жак встает, собирает немного соломы
и засовывает ее под дверь.)

МАЛЕНЬКИЙ ЖАК (*кончив возиться*).

Всего осталась горсточка, оханка.
(Снова садится на свое место.)

МАТЬ АГАТА.

А большая куча народу
Поглядеть на них пришла на площадку?

МАЛЕНЬКИЙ ЖАК.

Ах, бабушка Агата! Умора!
Симона старшего лошадь
Чуть кубарем по земле не покатилась.
А он все ложился набок.
А потом...

МАТЬ АГАТА.

Да много ли ты видел народу?

МАЛЕНЬКИЙ ЖАК.

Нет, бабушка Агата.

МАТЬ АГАТА.

А ты припомни!

МАЛЕНЬКИЙ ЖАК.

Я видел, много людей стояло
И на высокой стене и на лесенке,
Но на лужайке никто не стоял.

МАТЬ АГАТА.

Видел ли ты Эммануила?

МАЛЕНЬКИЙ ЖАК.

На высокой стояли стене
Старейшины и махали руками —
Дидье и Фульгентий рядышком.
И все к нему протягивали руки.
А еще там стояли на лесенке
Женщины и быстро, быстро говорили
И все цеплялись за камни,
Чтоб не поскользнуться, не полететь кувирком.

МАТЬ АГАТА.

А Эммануил, что он там делал?

МАЛЕНЬКИЙ ЖАК.

Это он схватил за уздечку
Старшего Симона лошадь.
Потом пришел дедушка Ансельм
И с высокой стены говорил речь.
Я держал сам стремя, бабушка,

Когда Эммануил сажился на лошадь.
И все они уехали вместе,
Напылив на дороге.

(Молчанье.)

Эту палку, бабушка Агата,
Мне подарил Эммануил.
Неправда ль хорошая палка?

(Мать Агата с жадностью схватывает палку, которую ей
протягивает маленький Жак.)

Если хотите, я вам одолжу ее, —

Но вы мне вернете ее, бабушка Агата?

(Мать Агата долго безмолвствует. Черты ее лица и взгляд
разительно меняются.)

Почему вы так долго молчите?

(Мать Агата опускает веки. Она исполнена какого-то немного
волнения. Наконец, она начинает говорить, вначале голосом
слабым, идущим издалека, с долгими паузами.)

МАТЬ АГАТА.

Они остановились; кругом деревья, как трубы
органа.

Большой замшелый утес прорезался из земли,
В отражении воды мнутя кисти рябины,
И крупы лошадей дымятся, как испарина ручья.
Какая прелесть этот жаворонок с трепещущим
горлом,

Что на вершине бука гомозится и поет.
О, как мужские лица, побледнев, похорошели,
И как особенно бледен и светел Эммануил.

Сквозь густой покров листвы
Хороводы из Лоссоны, —
Плеск и шарканье башмаков,
Девичий крик, девичьи стоны;
И вольники разговор:
То туда, то сюда,
Как головка саламандры,
И лукавых мыслей рой
Улетает в воздух бандой.

МАЛЕНЬКИЙ ЖАК.

Но я не вижу ничего,
Бабушка Агата. Покажи мне,
Я хочу на жаворонка поглядеть,
Я хочу вольничиков послушать.

(Молчанье.)

МАТЬ АГАТА.

Кое-кто прошел вперед
И втираются в Лоссоны,
И улыбка во весь рот,
И по-армарочному ходят.
Вот они, лисички мои, бродят.
(Берет ребенка за руку.)

Слышишь, как Эммануил рассмеялся?
(Молчанье.)

МАЛЕНЬКИЙ ЖАК.

Ничего я не слышу, бабушка Агата.
(Молчанье.)

МАТЬ АГАТА.

Разливается молочный свет.
Кажется, большое пламя
Из разбитой брызжет лампы.
Это сердце Эммануила,
Это горит Эммануил.

(Вдруг умолкает и учащенно дышит.)

О, какой неожиданный сдвиг!
В смуте лиц не могу разобрать, —
Бьет в глаза слишком белый свет...
Есть горячих чувств порошок,
И трещит, сохраняясь, страсть,
Как щепотка соли в огне.

(С возрастающим подъемом.)

Хороводы? Их нет, —
Им свернули шею.
Вольники? Беда!
И балы уже не воркуют...
Волосатая рука
В голубятнике шарит.
Как, скажите, пройдет
Эта обида Лоссоны!
Но все подхватил смерч,
Все рванулось, все двинулось.
Лошади! Жак, внук!
Разве ты не видишь: лошади!

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Большая комната в доме Элье. Громадные стены. Мебель, утварь, форма и цвет каждой вещи указывают на родовитость, силу, изобилие. И, однако, нет ничего блестящего, бросающегося в глаза. Всею дает тон скала, служащая полом. Единственное окно — довольно узкое, но много ясно различаемых дверей.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ЭЛЬЕ, ЭММАНУИЛ, ТЕРЕЗА, МАТЬ ЭММАНУИЛА.

Занавес открывается, когда в комнату входит ТЕРЕЗА, растрепанная, простоволосая, рыдающая. Эммануил поддерживает ее и ласково успокаивает.

Элье держится вначале в стороне, в глубине комнаты. Мать прядет.

ЭММАНУИЛ (*к матери*).

Дайте ей посидеть у огня.

Подвиньте большое плетеное кресло.

(Усаживает ТЕРЕЗУ и ждет возле нее, чтобы она успокоилась.)

Ты еще плачешь, Тереза?

Не хочешь со мной говорить?

(Матери.)

Мать, коза привязана в стойле,

Схлопочите нам парного молока.

(Мать Эммануила берет крынку и выходит.)

ТЕРЕЗА (*плача*).

Что на вас нашло?

Я думала, они нас всех убьют.

Пустите меня, откройте дверь, —
Дайте мне вернуться домой.

(Молчанье.)

Я не хочу оставаться здесь, —
Иль будут меня силком держать?

(Эммануил молчит. Входит мать Эммануила и ставит возле Терезы крынку молока и жбан. Эммануил наполняет его. Мать смотрит на них с молчаливой улыбкой. Потом она делает знак мужу и выходит через другую дверь, нежели в первый раз.)

Эммануил.

Пей молоко.

Тереза (*спокойнее*).

Я не буду пить.

(Молчанье.)

Вы яду могли подсыпнуть в него.
Может статься и это с вас.

(Эммануил делает глоток и снова протягивает ей жбан.)

Я от вас ничего не приму.

Эммануил.

Выпей немного молока, Тереза,
Лучшего тебе нигде не найти:
Вкус у него горной долины
И пенится оно, как поток.

Тереза.

Нет, только чуть-чуть пригублю.
(Она пьет. Молчанье. Она озирается вокруг.)
Куда вы дели моих подружек?

Эммануил.

Для каждой теперь открылся
В Кромдейре надежный дом.
Они сидят у огня в креслах,
И пестуют их, как тебя.

Тереза.

Я видеть хочу их.

Эммануил.

Ну, конечно...
Завтра... и вообще... всегда.

Элье.

Малютка, не нужно, не плачь,
Брось страхи присты.
Грубые кромдейрские ухватки
Ошарашили тебя:
Но таков уж обычай наш, —
В народе могуч и жив.
Не пов твой отчаянный трепет;
Тот же самый вкусила опыт
Прабабка твоя,

И сто лет назад просохли слезы,
Которыми ты плачешь в три ручья.
(Молчанье. Тереза все еще плачет, но уже тише.)

Одни только парни-ублюдки
Улещивают, обхаживают девок;
Нам так поступать не свычайно —
На крутых дрожжах наши свадьбы:
Мы путь к браку расчищаем дубинкой
И мостим его кулаком.

(Молчанье.)

Будешь ты кромдейская дочка, —
Нечего тебе, девушка, плакать.

ТЕРЕЗА.

Значит, сын ваш возьмет меня в жены?

ЭЛЬЕ.

Да, дружок, по большому чину,
При старейшинах и всем народе;
Даже — в свежесвященной церкви, —
В честь таких прекрасных гостей,
Нежных полонянок Кромдейра!

ТЕРЕЗА.

Беспоповская ваша церковь, —
Без священника не бывает свадьбы.

ЭЛЬЕ.

Нет у нас ни в чем недостатка, —
Есть священник и вино для обедни,

(96)

И вина особенно много, крошка.

(Элье и Эммануил хохочут. Элье смотрит на невыпитый
Терезой жбан молока и полную крынку.)

Я вижу, невестка молока не любит, —
Добрый знак: в ней что-то кромдейское бродит...
Бог дал молоко для младенцев и старых дедов.
Мы чтим старейшин древних, не стариков по крови;
Молока не оспариваем у грудного народа.

(Смеется. Берет с полки кувшин, потом три больших стакана
и ставит их на стол; выплескивает остаток молока из жбана,
продолжая говорить.)

Ты попробуй, невестка, какое вино у нас:
Это не виноградное, хотя на купеческих мулах
Виноградную выжимку осенью нам шлет Обенас.
(Наполняет стаканы.)

Это старинный настой — старше библии, —
жгучая смесь;

Он мудреный — разглаживает морщины.
Выпьешь — отда и мать позабудешь, в родной
заблудившись деревне.

ТЕРЕЗА.

Не забуду, молчите, не хочу забывать их!
(Элье чокается с Терезой, которая решается взять стакан.
Потом с Эммануилом. Они пьют.)

ЭЛЬЕ.

Пейте вместе, — ставлю на стол кувшин.
Я еще вернусь поглядеть, хорошо ли
Вы спасаетесь, дочь моя и мой сын.
(Выходит из комнаты.)

Кромдейр-старый.

(97)

7

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ТЕРЕЗА и ЭММАНУИЛ.

ТЕРЕЗА осушила стакан и кажется немного оглушенной.

ТЕРЕЗА.

Это и есть ваш дом?

(Она долго глядит вокруг себя.)

ЭММАНУИЛ.

Он самый.

(Показывает на стену, в сторону окна.)

Позвоночник деревни — один из стержняков.

Здесь бывают камни непомерной толщины, —

Кулак отскакивает и в толще вязнет звук.

Не для себя одних мы взгромоздили эту стену:

Это общинный щит, одежда и броня народа.

Да, наружная броня против ветра, снега и стужи.

ТЕРЕЗА.

Но куда ведут все эти двери?

ЭММАНУИЛ.

Эта вот — в копошню,

Эта вот — к нам наверх,

Эта вот — к Сабасам,

А эта — к Аньяну,

Старшему сыну Кристины.

ТЕРЕЗА.

И так просто вы к ним заходите?

ЭММАНУИЛ.

Ну, да, мы свободно входим друг к другу,

Мы не привыкли мокнуть под ливнем,

Покуда щеколду с звоном

Сдвинет заспанной рукой сосед.

Живой общительностью вся изрыта,

Вся проникнута кромдейрская толщ.

ТЕРЕЗА.

О, как мне не по сердцу это:

Низколобые двери глядят на меня.

(Задумалась.)

Значит, нельзя ключ повернуть в скважине,

Довериться прочным, глухим стенам?

Значит, я одна останусь в комнате,

И кто-нибудь вдруг сюда войдет?

Мнится, можно, ткнув мизинцем,

Продырявить каменный — нет — паутинный дом!

И снаружи хлынет на вашу голову

Целый ушат холода и беды.

(Вздрагивает.)

ЭММАНУИЛ.

Ты так думаешь, моя чужая дочка,

Ты заранее не трепещи.

Скоро, скоро ты у нас освоишься,

Будешь с нами радость делить и очаг.
Ты полюбишь эти смежные двери,
Ты полюбишь этот длинный коридор,
Эти своды, эти темные закуты
И нежный порхающий сквозняк, —
Уже ничем не похожий на ветер,
Не корбящий гусиной кожей холодок,
Но близкий и домашний свидетель,
Как дыханье короткое сна.

ТЕРЕЗА (*все еще дрожит и всхлипывает*).
Ни за что, ни за что на свете
В этом ужасе я не буду жить!

(Долгое молчанье.)

И потом какой противный
От очага несетя дух.

ЭММАНУИЛ.

Это запах жженого навоза, —
Мы всю зиму топим кизяком
(Молчанье.)

Мы лопатой его снимаем с выпона,
Каждый год по началу летних дней,
И слоим на солнце кучей,
Как могилу, как алтарь.

(Указывает на очаг.)

А вот здесь он горит, потрескивая,
В долгие зимние, Тереза, вечера.
Много дыма от него и легкий треск.

ТЕРЕЗА.

Но отчего вы не жжете дерево,
Как поступает весь божий люд?

ЭММАНУИЛ.

Дерево? Оно идет в подспорье
Мастеру Якову, чтоб церковь тесать.
Ведь у нас только краешек леса —
Все наперечет именные стволы,
Словно козочки размечены по кличкам.
И драгоценная эта вязанка
Здесь пылает лишь в твою честь.]

ТЕРЕЗА.

Значит, я пропахну тоже
Перегаром жженого навоза?
Стыдно будет в люди показаться.

ЭММАНУИЛ.

Что же тут худого, малютка?
Иной человек пахнет конюшенной прелью,
А другие пахнут творогом.
Неужели нам краснеть и стыдиться,
Если мы землею нашей пахнем?
Это ведь ее всамделишный запах,
Это — сенокосная испарина июля,
Когда землю мучит высокое солнце,
Прославляемое звоном ваших колоколен.

ТЕРЕЗА (после долгого молчания).

Все равно, здесь жить не смогу я.

ЭММАНУИЛ.

Но совсем не здесь мы будем жить сначала.

Наш отец Элье нас переводит

В светлый дом, на выгоне в Мезене:

Это — целое царство и больше, чем деревня.

(Тереза насторожилась и просветлела.)

Послушай: большое низкорослое жилище

Глубоко осело в стеной котловине;

И широкая, приземистая крыша, навесом

касающаяся земли,

И одно единственное дерево, ветвями опутавшее
крышу,

А вокруг, насколько хватает глаз,

Лишь прошлогодняя трава, стриженная под
гребенку.

И густые заросли волосатых кустарников, —

Весь широкий простор, уходящий в ничто.

Ни намека, ни признака межи или вехи.

Кой-где камень засел, кой-где тополь растет.

В сентябре наплывают медленные туманы.

Ты — один, как разметающийся во сне человек,

И вдруг выскакивает и мчится в тумане

Бесшумный жеребенок, несущийся дичком.

А после падают снежные хлопья,

Нежный снег к полудню тает совсем,

Оставляя росу на игольчатых травах.

Но однажды октябрь велит ему оставаться.

Глохнет жесткий ковер травы, глохнет черный
луг,

И скуластые камни, и волохатый кустарник.

Новой корой набухла земля, обновляется очерк
вещей,

Словно кожу меняет линючий зверь,

И земле не уступит в прочности первозимная
кора,

А сияньем она небесной тверди равна.

А там и дом запорошит. Разгребают

Кой-какую дорожку под ступеньками крыльца,

И растут и наваливаются стены сугроба.

А там пойдет ночная пороша.

Ночь переспав, выйдешь в сени

И только рукой махнешь на лопату.

Нужно подпорками заставить двери:

Наверх перекладину, вниз перекладину,

А две другие с упором в землю —

По одной на каждую створку окна.

ТЕРЕЗА (наполовину улыбаясь, наполовину трепеща).

Ты хочешь меня в тюрьму упрятать?

По горло в снегу, на Мезенской горе?

Да я умру, Эммануил!

ЭММАНУИЛ (еще ближе подходит к ней).

И так уединенно дом отмалчивается в пустыне,

Что если на сто локтей в подполье уйти,

Эммануил.

Где они там?

Парни.

— За четыреста шагов от перевала.

— Наши ребята все на-чеку.

— Нужно встретить их в каменья,

До того как сравняются они с грядой.

Эммануил.

Я иду.

(Он подходит к Терезе и сжимает ее руки.)

Тереза.

Боже мой, куда вы?

Эммануил! Эммануил!

(Он отрывается от Терезы.)

Эльзе *(громким голосом)*.

Выбирайте, детки, покрупнее камни

Да спустите с привязи собак.

Пусть Кромдейр расшвирует:

Мы готовим вам славный зверобой.

(Парни шумно выходят.)

АКТ ПЯТЫЙ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Внутренность новой кромдейской церкви. — строгая нагота. Архитектура напоминает старинные церкви в Велз. В диком орнаменте стен — мощь и огонь Кромдейра. Алтарь о шести ступеньках в виде жертвенного камня. Соломенные сиденья. Скамьи.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Совет старейшин. / Старейшины разместились полукружьем у подножья алтаря на соломенных сиденьях, в том же порядке, как во второй картине второго акта.

Дидье.

Радостной вестью делюсь с вами:

Наши парни, с поддержкой собачьей своры,

Орудуя круглыми камнями,

Деревенским дали по шапке.

Умыканье в тысячное новолунье

Увенчалось видимым успехом,

И пятнадцать требуемых девок

В нашу кровь претворятся без помехи.

Мы еще займемся напоследок

Брачной канителью для Парижа,
Но куда нам необходимо
Брачующихся освятить обрядом.
Ибо эта девичья добыча
До конца останется за нами.
Лишь пролив на наших полонянок
Сок могущества и сок веселья,
Мы срастим их с мясом Кромдейра,
Чтобы им вовек не оторваться
От земли, чтоб цепкими руками
За нее они держались сами.

Элье.

Вы сказали, как мудрый староста.
Вот что нужно нам, Дидье,
По началу обсудить.
Установим праздничный чин.

Дидье.

Церковь есть, но священника нету.
Что вы скажете, отец Ансельм?

Ансельм.

Мы—старейшины в народе,
А наше рожденье еще не просохло
У вчерашнего дня на губах.
Здесь бы нужен люд старинный,
Чтобы в них полыхал еще
Кромдейр.

Дидье.

Где же мы таких отыщем?
Или вы у нас не самый древний,
Многопомнящий старик?

(Долгое молчанье.)

Ансельм.

Я хочу услышать Эммануила.

Жиро.

Эммануил сейчас на дороге,
Он с товарищами играет
В какую-то детскую ланту.
Давеча, когда сюда входил я,
Они смеялись и кричали все зараз.

Ансельм (к Дидье).

Позовите его сюда.

Дидье подходит к Фульгентю и посылает его за Эммануилом. Фульгентий уходит.)

(Минутное молчанье.)

Готьен.

Ансельм, если мы новички зеленые,—
Чего же от мальчика ждать?

Ансельм.

Эммануила выслушать впору нам.
(Молчанье.—Появляется Эммануил, в сопровождении Фульгентия, который ему что-то горячо втолковывает.)

СПЕНА ВТОРАЯ.

Те же и Эммануил.

Эммануил *(еще смеясь)*.

Привет старейшинам Кромдейра!

Ансельм.

Сынок, нам хочется сыграть прекрасный свадебный обряд,

Чтоб изъявил господь согласие на девичий полон, —

Но мы не умеем... Мы начисто ничего не помним.

Эммануил *(стоя в полукружьи старейшин)*.

Что же вы забыли, дедушка Ансельм?

Ансельм.

Старую погудку Кромдейра.

Эммануил.

А обычай Пюп вам разве плох?

Ансельм.

Для кого хорош, а нам — противен.

Эммануил.

Где же нам припомнить, дедушка Ансельм,
Если вы сами забыли все,

Если в земле рассыпались косточки
Тех, кто раньше вас стариковствовал.

Ансельм.

Кромдейр-старик еще жив

И не смешался с трухой,

Он еще корежится и стоит;

Надо быть, он только припрятал

Старинную память своих лет.

И, когда я вызвал тебя к ответу,

Я знал, что ты-то помнишь больше, чем какой-нибудь дед.

Эммануил.

Если так, я вам скажу, —

Позовите бабу Агату.

Готьен.

Бабу Агату! Вот человек,

Который помнит бабу Агату.

Эммануил.

Дедка Ансельм, она старше вас:

Между вашими рожденьями поместится
семилетка.

(Умолкает, потом опять говорит.)

Вы забыли, какие у нее чудесные виденья?

Пространство и время не властны над ее душой.

Она глядит сквозь мир, как сквозь наложенные
прозрачных толщ,

И в прошлое входит непринужденно, как мы
в свой дом.
Череп ее хранит нерушимо все, чем некогда
жили Кромдейр.

Дидье.

Хорошо, но как она сюда доковыляет?

Эммануил.

Мы поднимем ее с креслом и принесем.

(Совет безмолвно соглашается на предложение Эммануила.
Долгое молчанье.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Те же, без Эммануила.

Анселм (*очень медленно*).

Не нарадуюсь я на воспитанника.
Он моложе щегла,
Но мудрость старая, испытанная
На него снизошла.
На плеча к нему садится
Сам кромдейрский бог.
От него исходит дар врачеванья
И чудесный ветерок напья
За бабушкой Агатой его послал.
(Умолкает, потупив голову. Потом разражается смехом.)
Дидье, мы жили до отказа!

Пора подумать о передаче власти
В молодые—из наших узловатых рук.
Мы вытянули Кромдейр
Из отвратительной трясины,
Но не нам, а другим подобает
Править руль новых времен.

Дидье (*кибает, в знак согласия, потом обращается
к Фульгентию*).

Что-то долго не видно Эммануила.

Фульгентий, встаньте на дозор.

(Фульгентий встает и направляется к выходу. Он исчезает.
Слышен его голос.)

Фульгентий.

Я ничего не вижу.

Я слышу хохот.

(Долгое молчанье.)

А, наконец-то он появился

И бежит сюда на резвых ногах.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Те же и Эммануил, потом бабка Агата с нею люди
из Кромдейра.

Эммануил (*вбегает, смеясь*).

Я застал мать Агату смеющейся и отдыхающей
на солнце;

С нею рядышком Антон—ее внучатый племянник—
Рассказывал ей, захлебываясь, про умыканье
и каменный град.

И как бабушка Агата слева не так туга на
замшенное ухо,

Внучек к ней примостился с левой стороны.

Когда мы вошли, она весело притопнула

И встретила нас проклятьями — шутивыми
и нежными.

Ей хотелось узнать, не продешевили ли, часом,
добытчики,

И хороши ли девушки, и дразнят ли лакомый
вкус.

Говорила, что парни слишком часто малым
довольствуются:

Выберут себе личико, разглядев один глаза,

И что нужно смотреть и на грудь и на шею,

И что в спокойной походке двадцатилетней
девушки

Самое главное — разглядеть, как покачивается таз.

Мы порадовались ее старческой мудрости.

Вот и она сама.

(Мать Агату вносят на кресле трое юношей. Ее сопровождает
женщина. Старуху усаживают среди собрания, которое она
весело оглядывает.)

МАТЬ АГАТА.

Ты здесь, Ансельм, мой младшенький?

К вам на собрание меня сынок привел, —

В чем же дело?

(Смеется.)

(114)

ДИДЬЕ.

Сами знаете, бабушка,

Как хорошо были нынче похищены девушки,

И что церковь готова до последнего камушка.

МАТЬ АГАТА (*оглядев спокойно стены, украшенья
и своды*).

Да, спасибо Якову, что на руках моих куксился,

Когда мать* уходила на речку полоскать белье.

Этого самого Якова я кормила плешками горячими.

(Обернувшись к нему.)

Ты рыгал молоком, чужак, и был крикун и плакса.

ДИДЬЕ.

Быть может, вы не знаете, бабушка, —

Нам в священнике отказано и отказано в обедне.

МАТЬ АГАТА (*к Эммануилу*).

На тебя мне люди добрые указали, мальчик:

Дескать, ты будешь священник, подходящий для
нашей обедни.

(Подмигивает и смеется.)

Но, не потупив глаз своих, ты проходишь наведни.

ЭММАНУИЛ.

Не без этого, — винось, бабушка Агата.

МАТЬ АГАТА.

А еще, говорят, выхватил девчонку из Лоссоны.

ЭММАНУИЛ.

Я вам ее, бабушка, приведу на смотрины.

(115)

8*

Мать Агата.

Где же тут «отче наш» читать и четьи-миней,
Если на руках обуза нежного ребенка.

(Смеется.)

Эммануил.

Бабушка, как нам устроить свадьбу,—
Посоветуй нам брачный обряд.

Мать Агата.

Чудаки! Подумаешь — спешка!
Но ваша правда, чорт возьми:
Кромдейр не любит мешкать.
Много, много потребуется ласк,
Чтобы тело холодных полонянок
В милых, теплых женщин превратилось.
Много радости и много смеха —
И с сегодняшнего вечера
К делу приступить не грех.

Эммануил.

Вы не бойтесь: вы лучше скажите,
Где обрядчика мы найдем?

Мать Агата.

Ах, бедный, бедный Кромдейр!
Нахлобучил на лоб свою церковь,
Разогнал чужих богов,
А своего найти не умеет.

(Трясет руку Эммануила.)

Дал Ансельм тебе немало уроков,

Я хочу тебя, сынок, доучить.

В солнечный день приходи посидеть
Рядом со мной на каменном пороге;
В прозрачных омутах твоего сознания,
Яблоком сна отяжелив твои глаза,
Покажу тебе старинных людей соборья,
Как они кружились за руки под луной,
Как они на землю бросались ничком
И, вскакивая, хлопали в ладоши.

(Умолкает.)

Впереди стоят года, ждут, чтоб их прожили.

(Снова задумалась. Потом изменившимся голосом.)

Дитячко! Нечего время терять:
Собери немедленно парней и девушек,
И пусть приходит кромдейрский народ.

(Эммануил и трое старейшин уходят — выполнить приказание матери Агаты. Снаружи слышны их голоса. Потом, внезапно — неизвестно откуда: гобой и волынки. Музыка крепнет. Отовсюду льются веселые и дикие звуки. В широко распахнутые церковные двери понемногу входят: пятнадцать лоссонских девушек во главе с Терезой, пятнадцать юношей с Эммануилом, разные люди, трое старейшин. Все размещаются в корабле церкви. Музыка становится властной, возбужденной и величественной.)

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Те же, девушки, юноши, люди из Кромдейра. Музыка
понемногу стихает.

МАТЬ АГАТА.

Вот они, нежные, все пятнадцать.
Кажется, выбраны хорошо:
Сколько я помню, в сырой долине
Розы еще не цвели так свежо.
Поговорим. Подойдите ближе.

(Девушки садятся.)

Мы вас не чествуем пышной встречей,
Сквозняк новоселья дом холодит.
Новый порядок придет с детьми.
Нынче в Кромдейре починка бога.

(Смеется.)

Трудное дело и кутерьма.
Скажут, что вы пришли невпопад.
Но, малютки,— да подвиньте же к ним мое
кресло,

Чтобы я не брехала, как заблудившийся пес!
Вы оправились, надеюсь, от первой встряски.
К кромдейским суровостям привыкнуть легко.
Нужно по нем равняться — у него старые
привычки.

На нашей почве прорастает лишь мужественное
зерно.

Раз внизу есть девушки — что нам делать?

Нужно взять их!

Так было во времена, когда дрожали горы,
И раньше чем ключами от веры стал звякать

Рим,

До того, как возник Париж, многолюдный
законник.

И верен себе старик — Кромдейр.
Если б мы остались втроем на утесе,
И тогда б мы сохранили особую статью —
Нашу веру, нашу повадку, нашего бога.
Всех других стоит племя, вам открывшее свое
лоно.

Ему принадлежала в незапамятные времена
Вся земля, доступная человеческому глазу.
И однажды оно вернется к славе своей.
Радуйтесь, нежные: ваши будущие дети —
Прямые потомки высоких отцов,
И мужья, обновители вашей крови,
Возвышают ее, зачиная детей.
Вольно вам привередничать и рожицы строить:
Вон та и вон эта смахнули слезу.
Подумать, вам грезились томный воздыхатель...
О, грубая неожиданность внезапного пробужденья
В шершавых руках и поперек седла.

(Умолкает и грезит мгновенье.)

Так и быть, расскажу вам забвенную повесть.
Я — последний обломок умыканий старинных лун.
Я жила в Прадетте, мне было пятнадцать лет.

(120)

(121)

Прямо на кручь, вдоль виадука!
Надо пойти сказать старейшинам!
(От кучки отделяется человек и исчезает между домами.)

ВТОРАЯ ГРУППА.

Три человека? Люди из деревни?

ПЕРВАЯ ГРУППА.

Чорт возьми!

ВТОРАЯ ГРУППА.

Запасемся камнями.

Лезем на стену.

Спустим собак.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПЕРВОЙ ГРУППЫ.

Вы не в уме! Неужели скажут,
Из-за трех человек Кромдейр бьет тревогу?

ДРУГОЙ, ИЗ ПЕРВОЙ ГРУППЫ.

Три человека?

(Он протягивает руку влево к выходу на площадь.)

И того нет—взгляни-ка:

Троица—ребенок, старик и калека.

(К нему подходят другие и, образуя цепь, разглядывают пришельцев.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Группа людей из Кромдейра, Фома Пибуй с собакой, Хромой, ребенок, потом Элье и другие старейшины.

Фома Пибуй (*останавливается, вытирает лоб и обращается к спутникам*).

Вот сюда.

Кто здесь уполномочен

От народа и от деревни?

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПЕРВОЙ ГРУППЫ.

Немного терпения, люди из Лоссоны,—

Вы найдете с кем договориться.

(Новоприбывшие подходят к группе. В глубине площади показываются четверо старейшин. Группа расступается перед ними надвое.)

Фома Пибуй (*очень громко*).

Я хочу говорить для начала

С дедушкой Яковом, что строил церковь,

И с Элье, отцом Эммануила.

(Услыхав, Яков и Элье выходят вперед, а остальным подают знак отойти.)

Элье.

Фома Пибуй, говори, в чем дело.

Фома Пибуй (*горячо*).

В чем дело? Знаете сами.

Я нож оставил дома, не поднял камня, забыл палку.

Для ровного счета, нас три человека —
Тройца: старик, ребенок и калека.

Элье.

Фома Пибуй, мы умеем слушать.
Сядьте сюда, наберитесь дыхания,
Приготовьтесь говорить. Вы найдете благоволение.

Фома Пибуй.

Элье! Я не питал к вам враждебного чувства.
Вы меня называли товарищем и кумом,
И вы, Яков Тергез, кирпичных дел мастер,
На Риульском поле вы брали мой песок,
Когда чуть шевелилась на фундаменте дерковь,
И собака, что вот ерзает и нюхает воздух,
Осматривает землю, как будто родину узнает,
И каждая межа земли ей друг старинный, —
Вы мне сами ее подарили в лучшие времена.

Элье.

Я без лести скажу — из всех деревенских
Вас почтил уважением кромдейрский народ.
Ваш приход нам приятен, Фома Пибуй.

Фома Пибуй (*помолчал*).

Гм! Ваши дети скатились на ярмарку в Лоссоне,
Растолкали музыкантов, опрокинули хоровод,
Пятнадцать девушек, самых лучших, подняли
на седла и рванулись назад.
Наши парни за ними, отбить полонянок.

Вы же заняли для встречи высокую крепь,
Оглушили их камнями, затравили их собаками.
О, печаль! Я видел возвращенье побежденных!
Сколько доброго мяса изодрано в клочки!
О, печальные ступки крови в волосах и на
гуртках.

Наши парни решились на правильный ход, —
Вы их ткнули ногой: они зашипели,
Я нимало не думаю перевязывать раненых:
Самый лучший врач — здоровая кровь...
Но можно ли кончить на полуслове?

(Оба старейшины приблизились.)

К добромусердцу старейшин пусть дойдет моя речь.
Там, в долине, родители бьются в слезах,
Дряхлые родители, кум Элье,
Ваши ровесники, Яков Тергез.
Бормочут и плачут, как по смерти зовут —
Свое лучшее благо, свой дочерний клад!
Даже я, бездетный сухой бобыль,
С ними, стариками, — сейчас заодно
И готов разрыдаться, глядя на них.

Элье.

О чем они плачут? И вы, Фома?
У нас веселье: Кромдейр — именинник.

Фома Пибуй.

Элье, что вы сделали с вашими пленниками,
Каким полотенцем их слезы осушить?

ЭЛЬЕ.

Откуда вы взяли, что девушки заплаканы?
Весь гудит Кромдейр, как улей, полный сот.
Мы пятнадцать свадеб сразу играем торжественно
И двойное уваженье и двойной почет.
Пышно взбитые перины ждут молодоженов,
И солнечная радость пробужденья впереди.
Мы бражничать будем еще сегодня;
Просим вас прийти на пирушку втроем,
Хотя гостеприимными у крестьян мы не сльвем!

Фома Пибуй.

Вы слишком любезны.
Покажите-ка лучше девчонок,
Хоть на минутку.

(Молчанье.)

Дайте взглянуть:
Я сумею выведать правду.

(Молчанье.)

Сами скажут, не таясь,
Чем довольны, чем недовольны.
Нечего обижаться тут:
Допускаю: каждая молвит:
«Да, мы нашли свое женское счастье.
Поцелуйте старых родителей, —
Нечего им жалеть дочерей».

ЭЛЬЕ.

Мы даем вам эту побрякку:
Девчонки близко — рукой подать.
(Молчанье.)

Сбегай за ними, мальчик, живо!

Фома Пибуй.

Будьте уж до конца любезны:
Отойдите немножко к сторонке, —
Без свидетелей, с глазу на глаз,
Я хотел бы с ними говорить.

(Молчанье. Элье размышляет, спрашивая взглядом остальных трех старейшин.)

ЭЛЬЕ.

Хорошо, Фома: мы согласны.

(Старейшины поднимаются и уходят, уводя с собой людей из Кромдейра. Волянки. Подходят процессией пятнадцать девушек.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Те же, без старейшин и группы кромдейрских жителей; потом Тереза и девушки.

Фома Пибуй.

Вот они, хромой!

Вот они все вместе.

(Девушки размещаются в глубине площади. Фома подходит к ним.)

Красавицы!

Вас оплакивают горько.

В четырех долинах, в каждом доме
Нет человека, чтоб не сокрушался.
Плачут старики и маленькие дети.
Даже собаки грустными глядят глазами
И отворачиваются от подачи хлеба.
Каждый сочувственно разделяет
Вашу грубую долю, вашу обиду,
И многие парни, женихи-горемыки,
Презирая опасность, бросились в погоню.
Я видел кровь.

Щупал сломанные ребра.

Но висит закон и над Кромдейром:
Не бойтесь: криком изъявляйте волю!
Я стар и сед.

Но пусть убьют меня на месте,
Если, решив уйти, вы не уйдете!
Но вы молчите, вы боитесь. Тереза!
(Молчанье.)

Тереза, отвечай: ведь ты смелее всех!

ТЕРЕЗА.

Что сказать вам, Фома Пибуй, не знаю.
Набухает сердце сырое
Соленым родительским горем.
Боже мой, скрипят ворота,
Плач стоит во дворах долины!
Тяжело, но лгать некрасиво:
Мы уже совсем не бедняжки
С тех пор, как нас взяли в жены.

Фома Пибуй.

Тереза, вас взяли в жены?
Если так, то вор поженился
На кошельке, украденном ловко,
И волк женился на овечке!

ТЕРЕЗА.

Нет, Фома, мы действительно жены,
И я жена Эммануила.

Фома Пибуй.

А внизу матерей голошенье?

ТЕРЕЗА.

Возвращайтесь. Именем Терезы
Осушите их слепые слезы.
Что бы начали они со мною мертвой?
Разве лучше рыдать над свежим дерном!
А еще, Фома Пибуй, скажите,
Что подруг оскорбили жесточе:
Ведь не всех выбирали свободно.

Фома Пибуй.

Они им подсыпали зелья,
Хромой.

Это не наши девки:
Зелье им ударило в сердце
И отшибло у них всю память.
(Собирается уходить.)

Хромой.

Все равно, Фома, попытайтесь!

Фома Пибуй.

Нет, Хромой. Ничем не поможешь:
Они выпили вина колдовского
Или сам Кромдейр—колдун и враг.

Хромой.

Разрешите мне на ваше место;
Я попробую с ними сговориться.

Фома Пибуй.

Если хочешь быть осмелливым, пожалуй.
(Уходит с ребенком.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Хромой, Тереза и девушки.

Хромой.

Красавицы, девушки, садьте.

(Девушки садятся. Иные сидят попарно на одном камне, обнявшись. Сам Хромой тоже садится, закрывает глаза и на минуту прячет лицо в ладонях, как бы мучительно собираясь с мыслями. Потом, полузакрыв глаза, с большими паузами, говорит.)

Зеленеет дорога во рву
До сих пор в полях Ландриака.
Кромдейр, возьми мое сердце.
И зеленый орешник растет

На крутом повороте дороги.
Это горлилки жалобный крик,
Или небо меня зовет?
Кромдейр, вы со мной суровы!
(Лица девушек понемногу омрачаются.)

Ах, нас ждет не с вчерашнего дня
Вода серебрящейся плотины.

Тереза. (Грудь ее волнуется, она вздыхает.)

Хромой из Лоссоны, довольно!
Зачем ты хочешь нас мучить?

Хромой.

Ты найдешь ли под корнем сосны
Прошлогодней сухой ежевики?
Потряси усыхающий клен,
Прошурши опавшими листьями.

(Голос его понемногу крепнет.)

Нужно нам огромный костер
Разложить на середке пастбищ,
Чтоб до горных людей дошло,
Что не забнем мы, а согрелись,
Чтобы в клочья майский туман
Разодрало горячее пламя.

(Девушки учащенно дышат. Они взволнованно опускают глаза.)

Тереза.

Замолчи, Хромой, брось лукавить.

Хромой (*тихо, как бы никого не видя*).

Дует ветер из Костаро,—
Ничего ему не нужно на дороге,
Но повозка полна до краев,
И, смеясь, мы садимся в лодку.
Дует ветер из Костаро.
Не шелохнется озера гладь
Под заслоном глубокого леса;
Ни морщинки, ни складки на ней—
Только ветер на дальних деревьях.
Я домашнюю скрипку принес,
Чтобы вам поплясать на лужайке
Нежный танец. Приятный смычок.
И от озера шум еле слышимый.
Дует ветер из Костаро.

(Тревога девушек возрастает, слышно сдержанное рыдание.)

ТЕРЕЗА (*взволнованно*).

Пощади, жестокий хромоножка!

Хромой.

Кромлейр—безголосый народ.

Эммануил появляется в глубине площади. Его никто не видит.)

Что ты сделал с колоколами?
Где они, безголосый народ?
Дай-ка мне взглянуть со стены,
Сверху вниз, на круглую долину
И лоссонский говор поймать.

ТЕРЕЗА (*вся в слезах*).

Эммануил! Эммануил!
Помоги мне! Сердце упало!
Защити нас от хромоножки!

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Те же и Эммануил.

ТЕРЕЗА.

Он с другого конца земли
Призывает любимые вещи,
Чтобы памятью мучить и жечь.
Ты скажи, что мы счастье найдем,
Что и он и колокол лгут.
Ты скажи, что не надо бежать.

ЭММАНУИЛ.

А нельзя ли послушать мне
И под чары его подпасть?
Продолжай, хромоножка!

Как дальше?

Хромой (*не меняя голоса, не двигаясь*).

Нежный колокол спозаранку,
Прозрачный, как роса,—
И немного тмину ягненку!
Нежный, колокол бьет семь раз,—
Сосчитай шажки моего стада.
Десятины отцовского луга.
Захочу есть, захочу пить,—

Как узнаю, если колокол не скажет?
И сумеет ли полдень встать,
Если солнце язык потеряет?
Кромдейр, где твоя колокольня?

Эммануил (с подъемом).

Где колокольня?

Милые подруги!

Вы наши жены — в будущую ночь.
Она звонит во все колокола,
Без усталы, с восхода до восхода.
Но хромоножка ничего не слышит:
Звучный гам — он внятен вам одним —
В глубокой тайне, как внутреннюю радость,
Для себя бережет свой звон Кромдейр.
Вы прислушайтесь, опустив ресницы,
Как ширится звучная волна вокруг.
Вот один, самый легкий и хрупкий —
Он поет не громче соловья.
Вот другой, чей звук льется гуще;
Вот еще один, как барабан.
Говори, хромоножка, что хочешь, —
Голос твой звучит издалека.
Можешь колокол качать, играть на скришке
И в вольнку можешь дудеть.
(Глаза девушек закрыты. Эммануил тихо продолжает.)

Хорошо вам, счастливые жены:
Вы отдыхаете под сенью пихт;

Как приятно щекочет пальцы
Хвойный навес золотистых игл.

(Девушки улыбаются.)

Гложет ветер бедное взгорье,
Но лес занавешен, как плотная кровать.
Хорошо в кромдейрской хвойной чаше,
Когда мезенский подует сквозняк.

(Голос его меняется.)

Я говорю вам: поддайтесь веселью.
Тягучим медом в вас входит Кромдейр.
Откройте мечтанья — и откройте вены,
Чтобы в них пролился огонь старинных лет.

(Девушки радостно оживлены. Эммануил подступает к Хро-
мому. Говорит жестким голосом, не сводя с него глаз.)

А ты берегись, деревянный хромоножка,
Разозлить покровителя здешних высот.

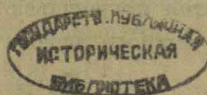
(Хромой встает и пятится. Эммануил наступает на него.)

Если Кромдейру придет охота, —
Эту гусиную дряблую кожу
Он на колодке своей разобьет.

(Хромой испуганно глядит на Эммануила и как бы
прирос к земле.)

Словно чужие, недобрые гири,
Руки повиснут подвеском злым.
Тело твое загниет, почернеет,
Ты узловатой покроешься коркой,
Словно трухлявого дерева пень.

Это певучее гибкое тело
 В низкий и злой превратится чурбан.
 (Хромой роняет костыль, судорога пробегает по его телу.)
 Эй! Берегись кромейрского гнева,
 Если хрупким дорожишь теплом
 И переборами розовой крови.
 (Поднимает костыль и протягивает Хромому.)
 Полно, успокойся! Дыши, как прежде!
 Больно мне глядеть на побелевшие губы.
 Только уходи без оглядки далече
 И песни свои береги для овец.

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

Ленинград, "Дом книги", Проспект 25 Октября, 23. Тел. 132-44, 570-44;
 Москва, Тверская, 51. Тел. 3-92-07, 4-92-31.

СЕРИЯ „НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“

- О'Нилл, Юджин. — Волосатая обезьяна. Комедия древности и современности, в восьми сцехах. Пер. с англ. М. Г. Волосова, под ред. А. Н. Горлина. Стр. 83. Ц. 50 к.
 Папалаги. — Речи тихоокеанского вождя Туйавии из Тиавии. Издал Э. Шеурман. Перев. Б. Л. Стр. 85. Ц. 30 к.
 Папини, Джованни. — Конченный человек. Пер. Р. Да-Рома. Под ред. А. Л. Волинского. Стр. 280. Ц. 90 к.
 Роллан, Р. — Аннет и Сильвия. Перев. М. Елагиной. Под редакцией А. А. Смирнова. Стр. 195. Ц. 45 к.
 Роллан, Р. — Клерамбо. Перев. Э. Л. Вейнбаум. Редакция В. Азова. Стр. 335. Ц. 75 к.
 Роллан, Р. — Кола Брюньон. Перев. М. Елагиной. Под редакцией Н. О. Лернера. 2-е изд. Стр. 264. Ц. 70 к.
 Ромэн, Жюль. — Преображенный град. Пер. О. Я. Скитальца-Яковлева, под ред. Инн. Оксеноса. Стр. 47. Ц. 20 к.
 Синклер, Э. — Ад. Пер. С. В. Ш., под ред. М. Лозинского и Е. Замятина. Стр. 165. Ц. 75 к.
 Синклер, Э. — Кипящий горшок. Комедия в 4-х действиях. Перев. с англ. К. Жихаревой. Редакция К. Чуковского. Стр. 111. Ц. 60 к.
 Синклер, Э. — 100% (История одного патриота). Перев. Л. Гаусман, под редакцией Д. М. Горфинкеля и К. Чуковского. Стр. 315. Ц. 75 к.
 Струг, А. — Деньги. Перевод Е. Голзаго. Под редакцией Н. О. Лернера. Стр. 383. Ц. 1 р. 40 к.
 Уиру, Фриц фон. — Драмы. 1. Род. 2. Площадь. Пер. С. Заяцкого, В. Морица, Б. Л. Предисл. Б. И. Ярхо. Стр. 243. Ц. 70 к.
 Франк, Л. — Человек добр. Перев. М. Елагиной. Стр. 168. Ц. 25 к.
 Фульда, Людвиг. — Тень осла. Пер. С. С. Заяцкого и В. Э. Морица. Стр. 202. Ц. 80 к.
 Напек, Карел. — „Вур“. Верстандовы универсальные работари. Утопическая социальная драма в 3 действиях с прологом. Перевод И. Мандельштама и Е. Геркена. Стр. 135. Ц. 70 к.
 Штернгейм, К. — Четыре нозеллы. Перевод В. Зоргенфрей. Редакция Е. Замятина. Стр. 125. Ц. 35 к.
 Шигельс, Г. — Ритмы новой Европы. Перевел Вл. Пяст. Стр. 93. Ц. 65 к.
 Эом, Жан. — Красные боги. Пер. с франц. Б. Лившица. Стр. 307. Ц. 1 р.